

E $\frac{56}{222}$

ПОДПИСАТЬ

ХОЗЯЙКА,

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Вновь просмотрѣнное изданіе.

Цѣна 50 коп.

Изданіе и собственность

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

Поставщикъ Его Императорскаго Величества.

Большая Морская, д. Лауферта, № 27, въ С. Петербургѣ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

ВЪ МАГАЗИНѢ О. СТЕЛЛОВСКАГО.

ВЫШЛИ и РАЗДАЮТСЯ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 томъ (*)

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Заключающіе въ себѣ: полное собраніе сочиненій О. М. Достоевскаго, графа Л. Н. Толстаго, А. О. Писемскаго и Вс. В. Крестовскаго.

Предпринятое мною изданіе Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ имѣетъ цѣлью—совмѣстить въ себѣ всѣ классическія произведенія отечественной литературы и удовлетворить тѣмъ современной потребности образованія полныхъ библиотекъ какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, преимущественно въ нашихъ провинціяхъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности получить какого либо сочиненія вышедшаго изъ продажи.

Такъ какъ дороговизна русскихъ изданій составляетъ главнѣйшую причину слабого распространенія ихъ между недостаточными классами русской публики, болѣе другихъ нуждающимся въ способахъ для своего образованія и для изученія своей отечественной литературы; то для наибольшаго распространенія, настоящее изданіе Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ, подобно таковымъ же заграничнымъ, печатается въ два столбца компактной, но четкой печати, что удешевляетъ расходы на бумагу и печатаніе на 50%, и слѣдовательно даетъ возможность на соответственное пониженіе и продажной цѣны изданія.

Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ отъ 30 до 35 печатныхъ листовъ in 4°. Число выпусковъ приблизительно будетъ простирается до 50.

(*) Восьмой и слѣдующіе тома печатаются и выйдутъ въ неперодолжительномъ времени.

ХОЗЯЙКА.

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

СОЧИНЕНІЕ

Ф. М. ДОСТОВЕВСКАГО.

Вновь просмотрѣнное самимъ авторомъ изданіе.

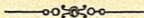

Изданіе и собственность

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

Поставщика Его Императорскаго Величества, Коммиссіонера Придворной Пѣвческой Капеллы и Дирекціи Императорскихъ театровъ и владѣтеля извѣстнаго торговаго дома И. Пеца, существующаго съ 1785 года.

Большая Морская, № 27, въ С. Петербургѣ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО.

1865.

Дозволено ценсурю. С. Петербургъ, 24-го Іюля, 1865 года.

15620 - 0

2007337408

Въ типографіи Ѳ. Стелловскаго, поставщика Его Императорскаго Величества, противъ Юсупова сада, на углу Екатерининскаго проспекта и Садовой, д. Куканова, № 2—49.

ХОЗЯЙКА.

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Ордыновъ рѣшился наконецъ перемѣнить квартиру. Хозяйка его, очень-бѣдная пожилая вдова и чиновница, у которой онъ нанималъ помѣщеніе, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ уѣхала изъ Петербурга куда-то въ глушь, къ родственникамъ, не дождавшись перваго числа—срока найма своего. Молодой человѣкъ, доживая срочное время, съ сожалѣніемъ думалъ о старомъ углѣ и досадовалъ на то, что приходилось оставить его: онъ былъ бѣденъ, а квартира была дорога. На другой же день послѣ отъѣзда хозяйки, онъ взялъ фуражку и пошелъ бродить по петербургскимъ переулкамъ, высматривая всѣ ярлычки, прибитые къ воротамъ домовъ, и выбирая домъ почернѣе, полуднѣе и *капитальнѣе*, въ которомъ всего удобнѣе было найдти требуемый уголь у какихъ-нибудь бѣдныхъ жильцовъ.

Онъ уже долго искалъ, весьма-прилежно, но скоро новыя, почти-незнакомыя ощущенія постигли его. Сначала, разсѣяннo и небрежно, потомъ со вниманіемъ, наконецъ съ сильнымъ любопытствомъ сталъ онъ смотрѣть кругомъ себя. Толпа и уличная жизнь, шумъ, движеніе, новость пред-

метовъ, новость положенія — вся эта мелочная жизнь и обыденная дребедень, такъ давно наскучившая дѣловому и занятому петербургскому человѣку, бесплодно, но хлопотливо всю жизнь свою отыскивающему средствъ умириться, стихнуть и успокоиться гдѣ-нибудь въ тепломъ гнѣздѣ, добытомъ трудомъ, потомъ и разными другими средствами, — вся эта пошлая проза и скука возбудила въ немъ, напротивъ, какое-то тихо-радостное, свѣтлое ощущеніе. Блѣдныя щеки его стали покрываться легкимъ румянцемъ, глаза заблестѣли какъ-будто новой надеждой, и онъ съ жадностью, широко сталъ вдыхать въ себя холодный, свѣжій воздухъ. Ему сдѣлалось необыкновенно легко.

Онъ всегда велъ жизнь тихую, совершенно уединенную. Года три назадъ, получивъ свою ученую степень и ставъ по возможности свободнымъ, онъ пошелъ къ одному старичку, котораго доселѣ зналъ по наслышкѣ, и долго ждалъ, покамѣстъ ливрейный каммердинеръ согласился доложить о немъ въ другой разъ. Потомъ онъ вошелъ въ высокую, темную и пустынную залу, крайне-скучную, какъ еще бываетъ въ старинныхъ, уцѣлѣвшихъ отъ времени фамильныхъ, барскихъ домахъ, и увидѣлъ въ ней старичка, увѣшеннаго орденами и украшеннаго сѣдиной, друга и сослуживца его отца и опекуна своего. Старичокъ вручилъ ему щепоточку денегъ. Сумма оказалась очень-ничтожною; это былъ остатокъ проданнаго съ молотка за долги прадедовскаго наслѣдія. Ордынъ равнодушно вступилъ во владѣніе, навсегда откланялся опекуну своему и вышелъ на улицу. Вечеръ былъ осенній, холодный и мрачный; молодой человѣкъ былъ задумчивъ, и какая-то бессознательная грусть надрывала его сердце. Въ глазахъ его былъ огонь; онъ чувствовалъ лихорадку, ознобъ и жаръ попе-

ремѣнно. Онъ разсчиталъ дорогою, что можетъ прожить своими средствами года два, три, даже съ голодомъ пополамъ и четыре. Смерклось, накрапывалъ дождь. Онъ сторговалъ первый встрѣчный уголь и черезъ часъ переѣхалъ. Тамъ онъ какъ-будто заперся въ монастырь, какъ-будто отрѣшился отъ свѣта. Черезъ два года, онъ одичалъ совершенно.

Онъ одичалъ, не замѣчая того; ему покамѣсть и въ голову не приходило, что есть другая жизнь— шумная, гремящая, вѣчно-волнующаяся, вѣчно-мѣняющаяся, вѣчно-зовущая и всегда, рано ли, поздно ли, неизбѣжная. Онъ, правда, не могъ не слышать о ней, но не зналъ и не искалъ ея никогда. Съ самаго дѣтства, онъ жилъ исключительно; теперь эта исключительность опредѣлилась. Его пожирала страсть самая глубокая, самая ненасытимая, истощающая всю жизнь человѣка и невыдѣляющая такимъ существамъ, какъ Ордынцовъ, ни одного угла въ сферѣ другой, практической, житейской дѣятельности. Эта страсть была—наука. Она снѣдала покамѣсть его молодость, медленнымъ, упоительнымъ ядомъ отравляла ночной покой, отнимала у него здоровую пищу и свѣжій воздухъ, котораго никогда не бывало въ его душномъ углу, и Ордынцовъ въ упоеніи страсти своей не хотѣлъ замѣчать того. Онъ былъ молодъ и покамѣсть не требовалъ большаго. Страсть сдѣлала его младенцемъ для внѣшней жизни и уже навсегда неспособнымъ заставить посторониться иныхъ добрыхъ людей, когда прійдетъ къ тому надобность, чтобъ отмежевать себѣ между нихъ хоть какой-нибудь уголь. Наука иныхъ ловкихъ людей— капиталъ въ рукахъ; страсть Ордынова была обращеннымъ на него же оружіемъ.

Въ немъ было болѣе безсознательнаго влеченія.

нежели логически-отчетливой причины учиться и знать, какъ и во всякой другой, даже самой мелкой дѣятельности, доселѣ его занимавшей. Еще въ дѣтскихъ лѣтахъ, онъ прослылъ чудакомъ и былъ не похожъ на товарищей. Родителей онъ не зналъ; отъ товарищей за свой странный, нелюдимый характеръ терпѣлъ онъ безчеловѣчность и грубость, отъ чего сдѣлался дѣйствительно нелюдимъ и угрюмъ и мало-по-малу ударился въ исключительность. Но въ уединенныхъ занятіяхъ его никогда, даже и теперь, не было порядка и определенной системы; теперь былъ одинъ только первый восторгъ, первый жаръ, первая горячка художника. Онъ самъ создавалъ себѣ систему; она выживалась въ немъ годами, и въ душѣ его уже мало-по-малу возставалъ еще темный, неясный, но какъ-то дивно-отраднѣй образъ идеи, воплощенной въ новую просвѣтленную форму, и эта форма просилась изъ души его, терзая эту душу; онъ еще робко чувствовалъ оригинальность, истину и самобытность ея: творчество уже сказывалось силамъ его; оно формировалось и крѣпло. Но срокъ воплощенія и созданія былъ еще далекъ, можетъ-быть, очень далекъ, можетъ быть, совсѣмъ невозможенъ!

Теперь онъ ходилъ по улицамъ, какъ отчужденный, какъ отшельникъ, внезапно вышедшій изъ своей нѣмой пустыни въ шумный и гремящій городъ. Все ему казалось ново и странно. Но онъ до того былъ чуждъ тому міру, который кипѣлъ и грохоталъ кругомъ него, что даже не подумалъ удивиться своему странному ощущенію. Онъ какъ-будто не замѣчалъ своего дикарства; напротивъ, въ немъ родилось какое-то радостное чувство, какое-то охмелѣніе, какъ у голоднаго, которому послѣ долгаго поста дали пить и ѣсть; хотя, конеч-

но, странно было, что такая мелочная новость положенія, какъ перемѣна квартиры, могла отуманить и взволновать петербургскаго жителя, хотя бѣ и Ордынова; но правда и то, что ему до-сихъ-поръ почти ни разу не случалось выходить *по дѣламъ*.

Все болѣе и болѣе ему нравилось бродить по улицамъ. Онъ глазѣлъ на все какъ *фланеръ*.

Но и теперь, вѣрный своей всегдашней настроенности, онъ читалъ въ ярко-раскрывавшейся передъ нимъ картинѣ, какъ въ книгѣ между строкъ. Все поражало его; онъ не терялъ ни одного впечатлѣнія и мыслящимъ взглядомъ смотрѣлъ на лица ходящихъ людей, всматривался въ фізіономію всего окружающаго, любовно вслушивался въ рѣчь народную, какъ-будто повѣряя на всемъ свои заключенія, родившіяся въ тиши уединенныхъ, ночей. Часто какая-нибудь мелочь поражала его, рождала идею, и ему впервые стало досадно за то, что онъ такъ за-живо погребъ себя въ своей кельѣ. Здѣсь все шло скорѣе; пульсъ его былъ полонъ и быстръ, умъ, подавленный одиночествомъ, изощряемый и возвышаемый лишь напряженною, экзальтированной дѣятельностью, работалъ теперь скоро, покойно и смѣло. Къ тому же, ему какъ-то безсознательно хотѣлось втѣснить какъ-нибудь и себя въ эту для него чуждую жизнь, которую онъ доселѣ зналъ, или, лучше сказать, только вѣрно предчувствовалъ инстинктомъ художника. Сердце его невольно забилося тоскою любви и сочувствія. Онъ внимательнѣе вглядывался въ людей, мимо него проходившихъ; но люди были чужіе, озабоченные и задумчивые... И мало-по-малу безпечность Ордынова стала невольно упадать; дѣйствительность уже подавляла его, вселяла въ него какой-то невольный страхъ уваженія. Онъ сталъ уставать отъ наплыва новыхъ впечатлѣній, доселѣ ему

невѣдомыхъ, какъ больной, который радостно всталъ въ первый разъ съ болѣзненнаго одра своего и упалъ, изнеможенный свѣтомъ, блескомъ, вихремъ жизни, шумомъ и пестротою пролетавшей мимо него толпы, отуманенный, закруженный движеніемъ. Ему стало тоскливо и грустно. Онъ началъ бояться за всю свою жизнь, за всю свою дѣятельность и даже за будущность. Новая мысль убивала покой его. Ему вдругъ пришло въ голову, что всю жизнь свою онъ былъ одинокъ, что никто не любилъ его, да и ему никого не удавалось любить. Иные изъ прохожихъ, съ которыми онъ случайно вступалъ въ разговоры въ началѣ прогулки, смотрѣли на него грубо и странно. Онъ видѣлъ, что его принимали за съумасшедшаго или за оригинальнѣйшаго чудака, что, впрочемъ, было совсѣмъ справедливо. Онъ вспомнилъ, что и всегда, всѣмъ было какъ-то тяжело въ его присутствіи, что еще и въ дѣтствѣ всѣ бѣжали его за его задумчивый, упорный характеръ, что тяжело, подавленно и непримѣтно другимъ проявлялось его сочувствіе, которое было въ немъ, но въ которомъ какъ-то никогда не было примѣтно нравственнаго равенства, что мучило его, еще ребенкомъ, когда онъ никакъ не походилъ на другихъ дѣтей, своихъ сверстниковъ. Теперь онъ вспомнилъ и сообразилъ, что и всегда, во всякое время, всѣ оставляли и обходили его.

Непримѣтно зашелъ онъ въ одинъ отдаленный отъ центра города конецъ Петербурга. Кое-какъ пообѣдавъ въ уединенномъ трактирѣ, онъ вышелъ опять бродить. Опять прошелъ онъ много улицъ и площадей. За ними потянулись длинные желтые и сѣрые заборы, стали встрѣчаться совсѣмъ ветхія избушки, вмѣсто богатыхъ домовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ колоссальныя зданія подъ фабриками, урод-

ливья, почернѣвшія, красныя, съ длинными трубами. Всюду было безлюдно и пусто; все смотрѣло какъ-то угрюмо и непріязненно: по-крайней-мѣрѣ, такъ казалось Ордынову. Былъ уже вечеръ. Однимъ длиннымъ переулкомъ онъ вышелъ на площадку, гдѣ стояла приходская церковь.

Онъ вошелъ въ нее разсѣянно. Служба только-что кончилась; церковь была почти совсѣмъ пуста, и только двѣ старухи стояли еще на колѣняхъ у входа. Служитель, сѣдой старичокъ, тушилъ свѣчи. Лучи заходящаго солнца широкою струею лились сверху сквозь узкое окно купола и освѣщали моремъ блеска одинъ изъ придѣловъ; но они слабѣли все болѣе и болѣе, и чѣмъ чернѣе становилась мгла, густѣвшая подъ сводами храма, тѣмъ ярче блистали мѣстами раззолоченныя иконы, озаренныя трепетнымъ заревомъ лампадъ и свѣчей. Въ припадкѣ глубоко-волнующей тоски и какого-то подавленнаго чувства, Ордыновъ прислонился къ стѣнѣ, въ самомъ темномъ углу церкви, и забылся на мгновеніе. Онъ очнулся, когда мѣрный, глухой звукъ двухъ вошедшихъ прихожанъ раздался подъ сводами храма. Онъ поднялъ глаза, и какое-то невыразимое любопытство овладѣло имъ при взглядѣ на двухъ пришельцевъ. Это были старикъ и молодая женщина. Старикъ былъ высокаго роста, еще прямой и бодрый, но худой и болѣзненно-блѣдный. Съ вида, его можно было принять за заѣзжаго откуда-нибудь издалека купца. На немъ былъ длинный, черный, очевидно праздничный кафтанъ на мѣху, надѣтый на-распашку. Изъ-подъ кафтана виднѣлась какая-то другая длинно-полая русская одежда, плотно застегнутая снизу до верха. Голая шея была небрежно повязана яркимъ краснымъ платкомъ; въ рукахъ мѣховая шапка. Длинная, тонкая, полусѣдая борода падала ему на

грудь и изъ-подъ нависшихъ, хмурыхъ бровей сверкалъ взглядъ огневой, лихорадочно-воспаленный, надменный и долгій. Женщина была лѣтъ двадцати и чудно-прекрасна. На ней была богатая, голубая, подбитая мѣхомъ шубейка, а голова покрыта бѣлымъ атласнымъ платкомъ, завязаннымъ у подбородка. Она шла потупивъ глаза, и какая-то задумчивая важность, разлитая во всей фигурѣ ея, рѣзко и печально отражалась на сладостномъ контурѣ дѣтски-нѣжныхъ и кроткихъ линий лица ея. Что-то странное было въ этой неожиданной парѣ.

Старикъ остановился посреди церкви и поклонился на всѣ четыре стороны, хотя церковь была совершенно пуста; то же сдѣлала и его спутница. Потомъ онъ взялъ ее за руку и повелъ къ большому мѣстному образу Богородицы, во имя которой была построена церковь, сіявшему у алтаря ослѣпительнымъ блескомъ огней, отражавшихся на горѣвшей золотомъ и драгоценными камнями ризѣ. Церковно-служитель, послѣдній оставшійся въ церкви, поклонился старику съ уваженіемъ; тотъ кивнулъ ему головою. Женщина упала ницъ передъ иконой. Старикъ взялъ конецъ покрова, висѣвшаго у подножія иконы и накрылъ ея голову. Глухое рыданіе раздалось въ церкви.

Ордыновъ былъ пораженъ торжественностью всей этой сцены и съ нетерпѣніемъ ждалъ ея окончанія. Минуты черезъ двѣ, женщина подняла голову, и опять яркій свѣтъ лампы озарилъ прелестное лицо ея. Ордыновъ вздрогнулъ и ступилъ шагъ впередъ. Она уже подала руку старику, и оба тихо пошли изъ церкви. Слезы кипѣли въ ея темныхъ синихъ глазахъ, опущенныхъ длинными сверкавшими на млечной бѣлизнѣ лица рѣсницами и катились по поблѣднѣвшимъ щекамъ. На губахъ ея мелькала улыбка; но въ лицѣ замѣтны были

слѣды какого-то дѣтскаго страха и таинственнаго ужаса. Она робко прижималась къ старику, и видно было, что она вся дрожала отъ волненія.

Пораженный, бичуемый какимъ-то невѣдомо-сла-
достнымъ и упорнымъ чувствомъ, Ордынцовъ быстро пошелъ вслѣдъ за ними и на церковной папер-
ти перешелъ имъ дорогу. Старикъ поглядѣлъ на
него непріязненно и сурово; она тоже взглянула
на него, но безъ любопытства и разсѣянно, какъ
будто другая отдаленная мысль занимала ее. Ор-
дынцовъ пошелъ вслѣдъ за ними, самъ не понимая
своего движенія. Уже совершенно смерклося; онъ
шелъ поодаль. Старикъ и молодая женщина во-
шли въ большую, широкую улицу, грязную, пол-
ную разнаго промышленнаго народа, мучныхъ ла-
базовъ и постоялыхъ дворовъ, которая вела пря-
мо къ заставѣ, и повернули изъ нея въ узкій,
длинный переулокъ, съ длинными заборами по обѣ-
имъ сторонамъ его, упиравшійся въ огромную, по-
чернѣвшую стѣну четырех-этажнаго, капитальнаго
дома, сквозными воротами котораго можно было
выйти на другую, тоже большую и людную ули-
цу. Они уже подходили къ дому; вдругъ старикъ
оборотился и съ нетерпѣніемъ взглянулъ на Ор-
дынцова. Молодой человѣкъ остановился какъ вко-
панный; ему самому показалось страннымъ его
увлеченіе. Старикъ оглянулся другой разъ, какъ
будто желая увѣриться, произвела ли дѣйствіе
угроза его, и потомъ оба, онъ и молодая женщи-
на, вошли чрезъ узкія ворота во дворъ дома. Ор-
дынцовъ вернулся назадъ.

Онъ былъ въ самомъ непріятномъ расположе-
ніи духа и досадовалъ на самого себя, соображая,
что потерялъ день напрасно, напрасно усталъ и
въ добавокъ кончилъ глупостью, придавъ смыслъ

дѣлаго приключенія происшествію болѣе чѣмъ обыкновенному.

Какъ ни досадовалъ онъ на себя по утру за свою одичалость, но въ инстинктѣ его было бѣжать отъ всего, что могло развлечь, поразить и потрясти его во внѣшнемъ, не внутреннемъ, художественномъ мірѣ его. Теперь съ грустью и съ какимъ-то раскаяніемъ подумалъ онъ о своемъ безмятежномъ углѣ; потомъ напала на него тоска и забота о неразрѣшенномъ положеніи его, о предстоявшихъ хлопотахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стало досадно, что такая мелочь могла его занимать. Наконецъ, усталый и не въ состояніи связать двухъ идей, добрелъ онъ уже поздно до квартиры своей и съ изумленіемъ спохватился, что прошелъ было, не замѣчая того, мимо дома, въ которомъ жилъ. Ошеломленный и покачивая головою на свою разсѣянность, онъ приписалъ ее усталости и, подымаясь на лѣстницу, вошелъ, наконецъ, на чердакъ въ свою комнату. Тамъ онъ зажегъ свѣчу—и черезъ минуту образъ плачущей женщины ярко поразилъ его воображеніе. Такъ пламенно, такъ сильно было впечатлѣніе, такъ любовно воспроизвело его сердце эти кроткія, тихія черты лица, потрясеннаго таинственнымъ умиленіемъ и ужасомъ, облистаго слезами восторга или младенческаго покаянія, что глаза его помутились и какъ будто огонь пробѣжалъ по всѣмъ его членамъ. Но видѣніе продолжалось не долго. Послѣ восторга, настало размышленіе, потомъ досада, потомъ какая-то бессильная злость; не раздѣваясь, завернулся онъ въ одѣяло и бросился на жесткую постель свою...

Ордыновъ проснулся уже довольно поздно утромъ въ раздраженномъ, робкомъ и подавленномъ состояніи духа, собрался на-скоро, почти насильно стараясь думать о насущныхъ заботахъ своихъ, и

отправился въ сторону, противоположную вчерашнему своему путешествію; наконецъ, онъ отыскалъ себѣ квартиру гдѣ-то въ свѣтелкѣ у бѣднаго нѣмца, по прозвищу Шписъ, жившаго съ дочерью Тинхенъ. Шписъ, получивъ задатокъ, тотчасъ же снялъ ярлыкъ, прибитый на воротахъ и приглашавшій наемщиковъ, похвалилъ Ордынова за любовь къ наукамъ, и обѣщаль самъ усердно позаняться съ нимъ. Ордыновъ сказалъ, что переѣдетъ къ вечеру. Оттуда онъ пошелъ было домой, но раздумаль и поворотилъ въ другую сторону; бодрость воротилась къ нему, и онъ самъ мысленно улыбнулся своему любопытству. Дорога въ нетерпѣннѣи показалась ему чрезвычайно длинною; наконецъ, онъ дошелъ до церкви, въ которой былъ вчера вечеромъ. Служили обѣдню. Онъ выбралъ мѣсто, съ котораго могъ видѣть почти всѣхъ молящихся; но тѣхъ, которыхъ онъ искалъ, не было. Послѣ долгаго ожиданія, онъ вышелъ краснѣя. Упорно подавляя въ себѣ какое-то невольное чувство, упрямо и насильно старался онъ перемѣнить ходъ мыслей своихъ. Раздумывая объ обыденномъ житейскомъ, онъ вспомнилъ, что ему пора обѣдать, и, почувствовавъ, что дѣйствительно голоденъ, зашелъ въ тотъ же самый трактиръ, въ которомъ обѣдалъ вчера. Онъ уже и не помнилъ послѣ, какъ вышелъ оттуда. Долго и безсознательно бродилъ онъ по улицамъ, по люднымъ и безлюднымъ переулкамъ, и наконецъ зашелъ въ глушь, гдѣ уже не было города и гдѣ разстилалось пожелтѣвшее поле; онъ очнулся, когда мертвая тишина поразила его новымъ, давно невѣдомымъ ему впечатлѣніемъ. День былъ сухой и морозный, какой нерѣдко бываетъ въ петербургскомъ октябрѣ. Неподалеку была изба; возлѣ нея два стога сѣна; маленькая круторебрая лошаденка, понура голову,

съ отвислой губой, стояла безъ упряжи подлѣ двуколесной таратайки, казалось, объ чемъ-то раздумывая. Дворная собака ворча грызла кость вблизи разбитаго колеса, и трехлѣтній ребенокъ въ одной рубашонкѣ, почесывая свою бѣлую, мохнатую голову, съ удивленіемъ глядѣлъ на зашедшаго одинокаго горожанина. За избой тянулись поля и огороды. На краю синихъ небесъ чернѣлись лѣса, а съ противоположной стороны находили мутныя снѣжныя облака, какъ будто гоня передъ собою стаю перелетныхъ птицъ, безъ крика, одна за другою, пробиравшихся по небу. Все было тихо и какъ-то торжественно грустно, полно какого-то замиравшаго, притаившагося ожиданія... Ордынъ пошелъ было дальше и дальше; но пустыня только тяготила его. Онъ повернулъ назадъ, въ городъ, изъ котораго вдругъ понесся густой гулъ колоколовъ, сзывавшихъ къ вечернему богослуженію, удвоилъ шаги и черезъ нѣсколько времени опять пошелъ въ храмъ, такъ знакомый ему со вчерашняго дня.

Незнакомка его была уже тамъ.

Она стояла на колѣняхъ у самаго входа между толпой молившихся. Ордынъ протѣснился сквозь густую массу нищихъ, старухъ въ лохмотьяхъ, больныхъ и калѣкъ, ожидавшихъ у церковныхъ дверей милостыни, и сталъ на колѣни возлѣ незнакомки. Одежда его касалась ея одежды, и онъ слышалъ порывистое дыханіе, вылетавшее изъ ея усть, шептавшихъ горячую молитву. Черты лица ея по прежнему были потрясены чувствомъ безпредѣльной набожности, и слезы опять катились и сохли на горячихъ щекахъ ея, какъ будто омывая какое нибудь страшное преступленіе. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли они оба, было совершенно темно, и только по-временамъ тусклое пламя лампы,

колеблемое вѣтромъ, врывавшимся чрезъ отворенное узкое стекло окна, озаряло трепетнымъ блескомъ лицо ея, котораго каждая черта врѣзалась въ память юноши, мучила зрѣніе его и глухою, нестерпимую болью надрывала его сердце. Но въ этомъ мученіи было свое изступленное упоеніе. Наконецъ, онъ не могъ выдержать; вся грудь его задрожала и изныла въ одно мгновеніе въ невѣдомо сладостномъ стремленіи, и онъ, зарыдавъ, склонился воспаленной головой своей на холодный помостъ церкви. Онъ не слышалъ и не чувствовалъ ничего, кромѣ боли въ сердцѣ своемъ, замиравшемъ въ сладостныхъ мукахъ.

Одиночествомъ ли развилась эта крайняя впечатлительность, обнаженность и незащищенность чувства; приготовлялась ли въ томительномъ, душномъ и безвыходномъ безмолвіи долгихъ, бессонныхъ ночей, среди безсознательныхъ стремленій и нетерпѣливыхъ потрясеній духа, эта порывчатость сердца, готовая, наконецъ, разорваться или найдти изліяніе; и такъ должно было быть ей, какъ внезапно, въ знойный, душный день, вдругъ зачернѣть все небо и гроза разольется дождемъ и огнемъ на взалкавшую землю, повиснетъ перлами дождя на изумрудныхъ вѣтвяхъ, сомнетъ траву, поля, прибѣтъ къ землѣ нѣжныя чашечки цвѣтовъ, чтобъ потомъ, при первыхъ лучахъ солнца, все, опять оживая, устремилось, поднялось на встрѣчу ему и торжественно, до неба послало ему свой роскошный, сладостный өнімямъ, веселясь и радуясь обновленной своей жизни... Но Ордынѣвъ не могъ бы теперь и подумать, что съ нимъ дѣлается: онъ едва сознавалъ себя...

Онъ почти незамѣтилъ, какъ кончилось богослуженіе, и очнулся, продираясь за своей незнакомкой сквозь сплотившуюся у входа толпу. Порой,

онъ встрѣчалъ ея удивленный и свѣтлый взглядъ. Останавливаемая поминутно выходящимъ народомъ, она не разъ оборачивалась къ нему; видно было, какъ все сильнѣе и сильнѣе росло ея удивленіе, и вдругъ, она вся вспыхнула, будто заревомъ. Въ эту минуту, вдругъ, изъ толпы явился опять вчерашній старикъ и взялъ ее за руку. Ордынцовъ опять встрѣтилъ жолчный и насмѣшливый взглядъ его, и какая-то странная злоба вдругъ стѣснила ему сердце. Наконецъ, онъ потерялъ ихъ въ темнотѣ изъ вида; тогда, въ неестественномъ усиліи, онъ рванулся впередъ и вышелъ изъ церкви. Но свѣжій вечерній воздухъ не могъ освѣжить его: дыханіе спиралось и сдавливалось въ его груди, и сердце стало биться медленно и крѣпко, какъ будто хотѣло пробить ему грудь. Наконецъ, онъ увидѣлъ, что дѣйствительно потерялъ своихъ незнакомцевъ; ни въ улицѣ, ни въ переулкѣ ихъ уже не было. Но въ головѣ Ордынова уже явилась мысль, сложился одинъ изъ тѣхъ утѣшительныхъ, странныхъ плановъ, которые хотя и всегда сумасбродны, но за то почти всегда успѣваютъ и выполняются въ подобныхъ случаяхъ; на завтра въ восемь часовъ утра онъ подошелъ къ дому со стороны переулка и вошелъ на узенькій, грязный и нечистый задній дворикъ, нѣчто въ родѣ помойной ямы въ домѣ. Дворникъ, что-то дѣлавшій на дворѣ, пріостановился, уперся подбородкомъ на ручку своей лопаты, оглядѣлъ Ордынова съ ногъ до головы и спросилъ его, что ему надо.

Дворникъ былъ молодой малый, лѣтъ двадцати-пяти, съ чрезвычайно старообразнымъ лицомъ, сморщенный, маленькій, татаринъ порокою.

— Ищу квартиру, отвѣчалъ съ нетерпѣніемъ Ордынцовъ.

— Которая? спросилъ дворникъ съ усмѣшкою.— Онъ смотрѣлъ на Ордынова такъ, какъ будто зналъ все его дѣло.

— Нужно отъ жильцовъ, отвѣчалъ Ордыновъ.

— На томъ дворѣ нѣтъ, отвѣчалъ загадочно дворникъ.

— А здѣсь?

— И здѣсь нѣтъ. Тутъ дворникъ принялся за лопату.

— А, можетъ быть, и уступать, сказалъ Ордыновъ, давая дворнику гривенникъ.

Татаринъ взглянулъ на Ордынова, взялъ гривенникъ, потомъ опять взялся за лопату, и послѣ нѣкотораго молчанія объявилъ, что «нѣтъ, нѣту квартира». Но молодой человѣкъ уже не слушалъ его; онъ шелъ по гнилымъ, трясучимъ доскамъ, лежавшимъ въ лужѣ къ единственному входу на этотъ дворъ изъ флигеля дома, черному, нечистому, грязному, казалось, захлебнувшемуся въ лужѣ. Въ нижнемъ этажѣ жилъ бѣдный гробовщикъ. Миновавъ его остроумную мастерскую, Ордыновъ по полуразломанной, скользкой, винтообразной лѣстницѣ поднялся въ верхній этажъ, оцупалъ въ темнотѣ толстую, неуклюжую дверь, покрытую рогожеными лохмотьями, нашелъ замокъ и пріотворилъ ее. Онъ неошибся. Передъ нимъ стоялъ ему знакомый старикъ и пристально, съ крайнимъ удивленіемъ смотрѣлъ на него.

— Что тебѣ? спросилъ онъ отрывисто и почти шопотомъ.

— Есть квартира?.. спросилъ Ордыновъ, почти забывъ все, что хотѣлъ сказать.— Онъ увидалъ изъ-за плеча старика свою незнакомку.

Старикъ молча сталъ затворять дверь, вытѣсняя ею Ордынова.

— Есть квартира, раздался вдругъ ласковый голосъ молодой женщины.

Старикъ освободилъ дверь.

— Миѣ нуженъ уголь, сказалъ Ордыновъ, поспѣшно входя въ комнату и обращаясь къ красавицѣ.

Но онъ остановился въ изумленіи, какъ вкопанный, взглянувъ на будущихъ хозяевъ своихъ; въ глазахъ его произошла нѣмая, поразительная сцена. Старикъ былъ блѣденъ какъ смерть, какъ будто готовый лишиться чувствъ. Онъ смотрѣлъ свинцовымъ, неподвижнымъ, пронзающимъ взглядомъ на женщину. Она тоже поблѣднѣла сначала; но потомъ вся кровь бросилась ей въ лицо, и глаза ее какъ-то странно сверкнули. Она повела Ордынова въ другую каморку.

Вся квартира состояла изъ одной довольно-обширной комнаты, раздѣленной двумя перегородками на три части; изъ сѣней прямо входили въ узенькую, темную прихожую; прямо была дверь за перегородку, очевидно въ спальню хозяевъ. Направо, черезъ прихожую, проходили въ комнату, которая отдавалась въ наймы. Она была узенькая и тѣсная, приплюснутая перегородкою къ двумъ низенькимъ окнамъ. Все было загромождено и заставлено необходимыми во всякомъ житьѣ предметами; было бѣдно, тѣсно, но по возможности чисто. Мебель состояла изъ простаго бѣлаго стола, двухъ простыхъ стульевъ и залавка по обѣимъ сторонамъ стѣнъ. Большой старинный образъ съ позолоченнымъ вѣнчикомъ, стоялъ надъ полкой въ углу и передъ нимъ горѣла лампада. Въ отдаваемой комнатѣ и частію въ прихожей, помѣщалась огромная, неуклюжая русская печь. Ясно было, что троимъ въ такой квартирѣ нельзя было жить.

Они стали уговариваться, но безсвязно и едва

понимая другъ друга. Ордыновъ за два шага отъ нея слышалъ, какъ стучало ея сердце; онъ видѣлъ, что она вся дрожала отъ волненія и какъ будто отъ страха. Наконецъ, кое-какъ стоворились. Молодой человѣкъ объявилъ, что онъ сейчасъ переѣдетъ, и взглянулъ на хозяина. Старикъ стоялъ въ дверяхъ все еще блѣдный; но тихая, даже задумчивая улыбка прокладывалась на губахъ его. Встрѣтивъ взглядъ Ордынова, онъ опять нахмурилъ брови.

— Есть паспортъ? спросилъ онъ вдругъ громкимъ, отрывистымъ голосомъ, отворяя ему дверь въ сѣни.

— Да! отвѣчалъ Ордыновъ, немного озадаченный.

— Кто ты таковъ?

— Василій Ордыновъ, дворянинъ, не служу, по своимъ дѣламъ, отвѣчалъ онъ, поддѣлываясь подъ тонъ старика.

— И я тоже, отвѣчалъ старикъ.—Я Илья Муринъ, мѣщанинъ; довольно съ тебя? Ступай...

Черезъ часъ, Ордыновъ уже былъ на новой квартирѣ, къ удивленію своему и своего нѣмца, который уже начиналъ подозрѣвать, вмѣстѣ съ покорною Тинхенъ, что навернувшійся жилецъ обманулъ его. Ордыновъ же самъ не понималъ, какъ все это сдѣлалось, да и не хотѣлъ понимать...

II.

Сердце его такъ билось, что въ глазахъ зеленѣло и голова шла кругомъ. Машинально занялся онъ размѣщеніемъ своего скуднаго имущества въ новой квартирѣ, развязалъ узелъ съ разнымъ необходимымъ добромъ, отперъ сундукъ съ книгами

и сталъ укладывать ихъ на столъ; но скоро вся эта работа выпала изъ рукъ его. Поминутно сіялъ въ его глазахъ образъ женщины, встрѣча съ которою взволновала и потрясла все его существованіе, который наполнялъ его сердце такимъ неудержимымъ, судорожнымъ восторгомъ,—столько счастья прихлынуло разомъ въ скудную жизнь его, что мысли его темнѣли и духъ замиралъ въ тоскѣ и смятеніи. Онъ взялъ свой паспортъ и понесъ къ хозяину въ надеждѣ взглянуть на нее. Но Муринъ едва пріотворилъ дверь, взялъ у него бумагу, сказалъ ему «хорошо, живи съ миромъ» и снова заперся въ своей комнатѣ. Какое-то непріятное чувство овладѣло Ордынвымъ. Неизвѣстно почему, ему стало тяжело глядѣть на этого старика. Въ его взглядѣ было что-то презрительное и злобное. Но непріятное впечатлѣніе скоро разсѣялось. Ужь третій день, какъ Ордынвъ жилъ въ какомъ то вихрѣ въ сравненіи съ прежнимъ затишьемъ его жизни; но разсуждать онъ не могъ и даже боялся. Все сбилось и перемѣшалось въ его существованіи; онъ глухо чувствовалъ, что вся его жизнь какъ будто переломлена пополамъ; одно стремленіе, одно ожиданіе овладѣло имъ, и другая мысль его не смущала.

Въ недоумѣніи воротился онъ въ свою комнату. Тамъ, у печки, въ которой стряпалось кушанье хлопотала маленькая, сгорбленная старушка, такая грязная и въ такомъ отвратительномъ отребьи, что жалко было смотрѣть на нее. Она, казалось, была очень зла и по временамъ что-то ворчала, шамкая губами себѣ подъ носъ. Это была хозяйская работница. Ордынвъ попробовалъ было заговорить съ нею, но она промолчала, очевидно со зла. Наконецъ, насталъ часъ обѣда; старуха вынула изъ печи щи, пироги и говядину и понесла

къ хозяевамъ. Того же подала и Ордынову. Послѣ обѣда, въ квартирѣ настала мертвая тишина.

Ордыновъ взялъ въ руки книгу и долго перероачивалъ листы, стараясь доискаться смысла въ томъ, что читалъ уже нѣсколько разъ. Въ нетерпѣніи онъ отбросилъ книгу и опять попробовалъ было прибирать свои пожитки; наконецъ взялъ фуражку, надѣлъ шинель и вышелъ на улицу. Идя на удачу, не видя дороги, онъ все старался, по возможности, сосредоточиться духомъ, свести свои разбитыя мысли и хотъ немного разсудить о своемъ положеніи. Но усиліе только повергало его въ страданіе, въ пытку. Ознобъ и жаръ овладѣвали имъ попеременно, и по временамъ сердце начинало вдругъ стучать такъ, что приходилось прислониться къ стѣнѣ. «Нѣтъ, лучше смерть» думалъ онъ: «лучше смерть» шепталъ онъ воспаленными, дрожащими губами, мало думая о томъ, что говорить. Онъ ходилъ очень долго; наконецъ, почувствовавъ, что промокъ до костей и замѣтивъ въ первый разъ, что дождь идетъ ливнемъ, воротился домой. Неподалеку отъ дома, онъ увидѣлъ своего дворника. Ему показалось, что татаринъ нѣсколько времени пристально и съ любопытствомъ смотрѣлъ на него и потомъ пошелъ своею дорогою, когда замѣтилъ, что его увидали.

— Здравствуй, сказала Ордыновъ, нагнавъ его. — Какъ тебя зовутъ?

— Дворникъ зовутъ, отвѣчалъ тотъ, скаля зубы.

— Ты давно здѣсь дворникомъ?

— Давно.

— Хозяинъ мой мѣщанинъ?

— Мѣщанинъ, коли сказывалъ.

— Что жъ онъ дѣлаеть?

— Больна; живетъ, Бога молить—вотъ.

— Это жена его?

— Какая жена?

— Что съ нимъ живетъ?

— Же-на, коли сказываль. Прощай, баринъ.

Татаринъ тронулъ шапку и вошелъ въ конуру свою.

Ордыновъ вошелъ въ свою квартиру. Старуха, шамкая и что-то ворча про себя, отворила ему дверь, опять заперла ее на щеколду и полѣзла на печь, на которой доживала свой вѣкъ. Уже смеркалось. Ордыновъ пошелъ достать огня и увидѣлъ, что дверь къ хозяйевамъ заперта на замокъ. Онъ кликнулъ старуху, которая, приподнявшись на локоть, зорко смотрѣла на него съ печки, казалось раздумывая, что бы ему нужно было у хозяйскаго замка; она молча сбросила ему пачку спичекъ. Онъ воротился въ комнату и принялся опять, въ сотый разъ, за свои вещи и книги. Но мало по малу, недоумѣвая, что съ нимъ дѣлается, присѣлъ на лавку, и ему показалось, что онъ заснулъ. По временамъ, приходилъ онъ въ себя и догадывался, что сонъ его былъ не сонъ, а какое то мучительное, болѣзненное забытье. Онъ слышалъ, какъ стукнула дверь, какъ отворилась она и догадался, что это воротились хозяйева отъ вечерни. Тутъ ему пришло въ голову, что нужно было пойти къ нимъ зачѣмъ-то. Онъ привсталъ, и показалось ему, что онъ уже идетъ къ нимъ, но оступись и упалъ на кучу дровъ, брошенныхъ старухою среди комнаты. Тутъ онъ совершенно забылся, и, раскрывъ глаза послѣ долгаго-долгаго времени, съ удивленіемъ замѣтилъ, что лежитъ на той же лавкѣ, такъ какъ былъ, одѣтый, и что надъ нимъ съ нѣжною заботливостію склонялось лицо женщины, дивно прекрасное, и какъ будто все омоченное тихими, материнскими слезами. Онъ слышалъ, какъ положили ему подъ голову по-

душку и одѣли чѣмъ-то теплымъ, и какъ чья-то нѣжная рука легла на горячій лобъ его. Онъ хотѣлъ поблагодарить, онъ хотѣлъ взять эту руку, поднести къ запекшимся губамъ своимъ, омочить ее слезами и цаловать, цаловать цѣлую вѣчность. Ему хотѣлось что-то много сказать, но что такое— онъ самъ не зналъ того; ему захотѣлось умереть въ эту минуту. Но руки его были какъ свинцовыя и не двигались; онъ какъ будто онѣмѣлъ и слышалъ только, какъ разлетается кровь его по всѣмъ жиламъ, какъ будто приподымая его на постели. Кто то далъ ему воды... Наконецъ, онъ впалъ въ безпамятство.

Онъ проснулся поутру часовъ въ восемь. Солнце сыпало золотымъ снопомъ лучи свои сквозь зеленныя заплесневѣлыя окна его комнаты; какое-то отрадное ощущеніе нѣжило всѣ члены больнаго. Онъ былъ спокоенъ и тихъ, безконечно счастливъ. Ему казалось, что кто-то былъ сейчасъ у его изголовья. Онъ проснулся, заботливо ища вокругъ себя это невидимое существо; ему такъ хотѣлось обнять своего друга и сказать первый разъ въ жизни—здравствуй, добрый день тебѣ, мой милый.

— Какъ же ты долго спишь! сказалъ нѣжный женскій голосъ. Ордыновъ оглянулся, и къ нему склонилось, съ привѣтливою и свѣтлою какъ солнце улыбкою, лицо красавицы-хозяйки его.

— Какъ ты долго былъ болѣнъ, говорила она:— полно, вставай; что неволишь себя? Волюшка хлѣба слаще, солнца краше. Вставай, голубь мой, вставай.

Ордыновъ схватилъ и крѣпко сжалъ ея руку. Ему казалось, что онъ все еще видитъ сонъ.

— Подожди, я тебѣ чаю готовила; хочешь чаю? Захотѣ; тебѣ лучше будетъ. Я сама хворала и знаю.

— Да, дай мнѣ пить, сказалъ Ордынѡвъ слабымъ голосомъ и сталъ на ноги. Онъ еще былъ очень слабъ. Ознобъ пробѣжалъ по спинѣ его, всѣ члены его болѣли и какъ будто были разбиты. Но на сердцѣ его было ясно, и лучи солнца, казалось, согрѣвали его какою то торжественною, свѣтлою радостью. Онъ чувствовалъ, что новая, сильная, невидимая жизнь началась для него. Голова его слегка закружилась.

— Вѣдь тебя зовутъ Васильемъ? спросила она:— я иль ослышалась, иль, сдается, тебя хозяинъ такъ вчера назвалъ.

— Да, Василій. А тебя какъ зовутъ? сказалъ Ордынѡвъ, приближаясь къ ней и едва устоявъ на ногахъ. Онъ покачнулся. Она схватила его за руки, и засмѣялась.

— Меня Катериной, сказала она, смотря ему въ глаза своими большими, ясными, голубыми глазами. Оба держали другъ друга за руки.

— Ты мнѣ хочешь что-то сказать? проговорила она наконецъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Ордынѡвъ, — у него помутилось зрѣніе.

— Видишь какой. Полно, голубь мой, полно; не горюй, не тужи; садись сюда къ солнцу за столъ; сиди смирно, а за мной не ходи, прибавила она, видя, что молодой человѣкъ сдѣлалъ движеніе, какъ-будто удерживая ее:—я сейчасъ сама къ тебѣ буду; успеешь на меня наглядѣться. Черезъ минуту, она принесла чаю, поставила на столъ и сѣла напротивъ его.

— На, напейся, сказала она.—Что, болитъ твоя голова?

— Нѣтъ, теперь не болитъ, сказалъ онъ: — не знаю, можетъ-быть, и болитъ... я не хочу... полно, полно!... Я и не знаю, что со мною, говорилъ онъ,

задыхаясь и отыскавъ наконецъ ея руку: — будь здѣсь, не уходи отъ меня; дай, дай мнѣ опять твою руку... У меня въ глазахъ темнѣеть; я на тебя какъ на солнце смотрю, сказалъ онъ, какъ-будто отрывая отъ сердца слова свои, замирая отъ восторга, когда ихъ говорилъ. Рыданія сдавливали ему горло.

— Бѣдный какой! Знать, не жилъ ты съ человекомъ хорошимъ. Ты одинъ-одинёшенекъ; нѣтъ у тебя родичей?

— Нѣтъ никого; я одинъ... ничего, пусть! теперь лучше... хорошо мнѣ теперь! говорилъ Ордыновъ, будто въ бреду. Комната какъ-будто ходила кругомъ него.

— Я сама много лѣтъ людей не видала. Ты такъ глядишь на меня... проговорила она послѣ минутнаго молчанія.

— Ну... что же?

— Какъ-будто грѣютъ тебя мои очи! Знаешь, когда любишь кого... Я тебя съ первыхъ словъ въ сердце мое приняла. Заболѣешь, опять буду ходить за тобой. Только ты не болѣй, нѣтъ. Встанешь, будемъ жить какъ братъ и сестра. Хочешь? Вѣдь сестру трудно нажать, какъ Богъ родивъ не даль.

— Кто ты? откуда ты? проговорилъ Ордыновъ слабымъ голосомъ.

— Я не здѣшняя... что тебѣ! Знаешь, люди рассказываютъ, какъ жили двѣнадцать братьевъ въ темномъ лѣсу, и какъ заблудилась въ томъ лѣсу красная дѣвица. Зашла она къ нимъ и прибрала имъ все въ домѣ, любовь свою на всемъ положила. Пришли братья и спознали, что сестрица у нихъ день прогостила. Стали ее выкликать, она къ нимъ вышла. Нарекли ее всѣ сестрой, дали ей волюшку, и всѣмъ она была ровня. Знаешь ли сказку?

— Знаю, прошепталъ Ордынѡвъ.

— Жить хорошо; любо ль тебѣ на свѣтѣ жить?

— Да, да; вѣкъ жить, долго жить, отвѣчалъ Ордынѡвъ.

— Не знаю, сказала задумчиво Катерина: — я бы и смерти хотѣла. Хорошо жизнь любить и добрыхъ людей любить, да... Смотри, ты опять какъ мука побѣлѣлъ!

— Да, голова кругомъ ходитъ...

— Постои, я тебѣ мою постель принесу и подушку-другую; здѣсь и постелю. Заснешь, обо мнѣ приснится; недугъ отойдетъ. Наша старуха тоже больна...

Она еще говорила, какъ уже начала готовить постель, по-временамъ съ улыбкой смотря черезъ плечо на Ордынова.

— Сколько у тебя книгъ! сказала она, сдвигая сундукъ.

Она подошла къ нему, схватила его правой рукой, подвела къ постелѣ, уложила и одѣла одѣяломъ.

— Говорятъ, книги человѣка портятъ, говорила она, задумчиво покачивая головою. — Ты любишь въ книгахъ читать?

— Да, отвѣчалъ Ордынѡвъ, не зная, спитъ онъ или нѣтъ, и крѣпче сжимая руку Катерины, чтобъ увѣрить себя, что не спитъ.

— У хозяина моего много книгъ; видишь какія! онъ говоритъ, что божественныя. Онъ мнѣ все читаетъ изъ нихъ. Я потомъ тебѣ покажу; ты мнѣ расскажешь послѣ, что онъ мнѣ въ нихъ все читаетъ?

— Расскажи, прошепталъ Ордынѡвъ, неотступно смотря на нее.

— Ты любишь молиться? спросила она послѣ минутнаго молчанія. — Знаешь что? Я все боюсь, все боюсь...

Она не договорила, казалось, размышляя о чем-то. Ордынцовъ поднесъ наконецъ ея руку къ губамъ своимъ.

— Что ты мою руку цалуешь? (И щеки ея слегка заалѣли). На, цалуй ея, продолжала она смѣясь и подавая ему обѣ руки; потомъ высвободила одну и приложила ея къ горячему лбу его, потомъ стала расправлять и приглаживать его волосы. Она краснѣла болѣе и болѣе; наконецъ, присѣла на полу у постели его и приложила свою щеку къ его щекѣ; теплое, влажное дыханіе ея шелестило по его лицу... Вдругъ Ордынцовъ почувствовалъ, что горячія слезы градомъ полились изъ ея глазъ и падали, какъ растопленный свинецъ, на его щеки. Онъ слабѣлъ болѣе и болѣе; онъ уже не могъ двинуть рукою. Въ это время раздался стукъ въ дверь и загремѣла задвижка. Ордынцовъ еще могъ слышать, какъ старикъ, его хозяинъ, вошелъ за перегородку. Онъ слышалъ потомъ, что Катерина привстала, не спѣша и не смущаясь, взяла свои книги, слышалъ, какъ она перекрестила его уходя; онъ закрылъ глаза. Вдругъ горячій, долгій поцалуй загорѣлся на воспаленныхъ губахъ его, какъ-будто ножомъ его ударили въ сердце. Онъ слабо вскрикнулъ и лишился чувствъ...

Потомъ началась для него какая-то странная жизнь.

Порой, въ минуту неяснаго сознанія, мелькало въ умѣ его, что онъ осужденъ жить въ какомъ-то длинномъ, нескончаемомъ снѣ, полномъ странныхъ, бесплодныхъ тревогъ, борьбы и страданій. Въ ужасѣ онъ старался возстать противъ роковаго фатализма, его гнетущаго, и въ минуту напряженной, самой отчаянной борьбы, какая-то невѣдомая сила опять поражала его, и онъ слышалъ, чувствовалъ ясно, какъ онъ снова теряетъ память,

какъ вновь непроходимая, бездонная темень разверзается передъ нимъ, и онъ бросается въ нее съ воплемъ тоски и отчаянія. Порой мелькали мгновенія невыносимаго, уничтожающаго счастья, когда жизненность судорожно усиливается во всемъ составѣ человѣческомъ, ясниѣтъ прошедшее, звучитъ торжествомъ, весельемъ настоящій свѣтлый мигъ и снится на яву невѣдомое грядущее: когда невыразимая надежда падаетъ живительной росой на душу; когда хочешь вскрикнуть отъ восторга; когда чувствуешь, что немощна плоть предъ такимъ гнетомъ впечатлѣній, что разрывается вся нить бытія, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, поздравляешь всю жизнь свою съ обновленіемъ и воскресеніемъ. Порой онъ опять впадалъ въ усыпленіе, и тогда все, что случилось съ нимъ въ послѣдніе дни, снова повторялось и смутнымъ, мятежнымъ роємъ проходило въ умѣ его; но видѣніе представлялось ему въ странномъ, загадочномъ видѣ. Порой больной забывалъ, что съ нимъ было, и удивлялся, что онъ не на старой квартирѣ, не у старой хозяйки своей. Онъ недоумѣвалъ, отъ чего старушка не подходила, какъ бывало всегда въ поздній сумеречный часъ, къ потухавшей печкѣ, обливавшей по временамъ слабымъ, мерцающимъ заревомъ весь темный уголъ комнаты, и въ ожиданіи, какъ погаснетъ огонь, не грѣла, по привычкѣ, своихъ костлявыхъ, дрожащихъ рукъ на замиравшемъ огнѣ, всегда болтая и шепча про себя и изрѣдка въ недоумѣніи поглядывая на него, чуднаго жильца своего, котораго считала помѣшаннымъ отъ долгаго сидѣнія за книгами. Другой разъ, онъ вспоминалъ, что переѣхалъ на другую квартиру; но какъ это сдѣлалось, что съ нимъ было, и зачѣмъ пришлось переѣхать, онъ не зналъ того, хотя замиралъ весь духъ его, въ безпрерыв-

номъ, неудержимомъ стремленіи... Но куда, что звало и мучило его, и кто бросилъ этотъ необысанный пламень, душившій, пожиравшій всю кровь его? — онъ опять не зналъ и не помнилъ. Часто жадно ловилъ онъ руками какую-то тѣнь, часто слышались ему шелестъ близкихъ, легкихъ шаговъ около постели его, и, сладкихъ какъ музыка, шопотъ чьихъ-то ласковыхъ, нѣжныхъ рѣчей; чье-то влажное, порывистое дыханіе скользило по лицу его, и любовью потрясалось все его существо; чьи-то горячія слезы жгли его воспаленныя щеки, и вдругъ чей-то поцалуй, долгій, нѣжный, впивался въ его губы; тогда жизнь его изнывала въ неугасимой мукѣ; казалось, все бытіе, весь міръ останавливался, умиралъ на цѣлыя вѣка кругомъ него, и долгая тысячелѣтняя ночь простиралась надъ всѣмъ...

То какъ будто наступали для него опять его нѣжные, безмятежно-прошедшіе годы перваго дѣтства, съ ихъ свѣтлою радостію, съ неугасимымъ счастіемъ, съ первымъ сладостнымъ удивленіемъ къ жизни, съ роями свѣтлыхъ духовъ, вылетававшихъ изъ-подъ каждаго цвѣтка, который срывалъ онъ, игравшихъ съ нимъ на тучномъ зеленомъ лугу передъ маленькимъ домикомъ, окруженнымъ акаціями, улыбававшихся ему изъ хрустальнаго, необозримаго озера, возлѣ котораго просиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ, прислушиваясь какъ бьетъ волна о волну, и шелестившихъ кругомъ него крыльями, любовно усыпая свѣтлыми, радужными сновидѣніями маленькую его колыбельку, когда его мать, склоняясь надъ нею, крестила, цаловала и баюкала его тихою колыбельною пѣсенкой въ долгія, безмятежныя ночи. Но тутъ вдругъ стало являться одно существо, которое смущало его какимъ-то недѣтскимъ ужасомъ, которое вливало

первый, медленный ядъ горя и слезъ въ его жизнь; онъ смутно чувствовалъ, какъ невѣдомый старикъ держать во власти своей всѣ его грядущіе годы, и, трепеща, не могъ онъ отвести отъ него глазъ своихъ. Злой старикъ за нимъ слѣдовалъ всюду. Онъ выглядывалъ и обманчиво кивалъ ему головою изъ-подъ каждаго куста въ роуцѣ, смѣялся и дразнилъ его, воплощался въ каждую куклу ребенка, гримасничая и хохоча въ рукахъ его, какъ злой, скверный гномъ; онъ подбивалъ на него каждаго изъ его безчеловѣчныхъ школьныхъ товарищей, или, садясь съ малютками на школьную скамью, гримасничая, выглядывалъ изъ-подъ каждой буквы его грамматики. Потомъ, во время сна, злой старикъ садился у его изголовья... Онъ отогналъ рой свѣтлыхъ духовъ, шелестившихъ своими золотыми и сафирными крыльями кругомъ его колыбели, отвелъ отъ него навсегда его бѣдную мать, и сталъ по цѣлымъ ночамъ нашептывать ему длинную, дивную сказку, невнятную для сердца дитяти, но терзавшую, волновавшую его ужасомъ и недѣтскою страстью. Но злой старикъ не слушалъ его рыданій и просьбъ и все продолжалъ ему говорить, покамѣстъ онъ не впадалъ въ оцѣпененіе, въ безпамятство. Потомъ малютка просыпался вдругъ человѣкомъ; невидимо и неслышно пронеслись надъ нимъ цѣлые годы. Онъ вдругъ сознавалъ свое настоящее положеніе, вдругъ сталъ понимать, что онъ одинокъ и чуждъ всему міру, одинъ въ чужомъ углу, межъ таинственныхъ, подозрительныхъ людей, между враговъ, которые все собираются и шепчутся по угламъ его темной комнаты и киваютъ старухѣ, сидѣвшей у огня на корточкахъ, нагрѣвавшей свои дряхлыя, старыя руки и указывавшей имъ на него. Онъ впадалъ въ смятеніе, въ тревогу; ему все хотѣлось узнать,

кто таковы эти люди, зачѣмъ они здѣсь, зачѣмъ онъ самъ въ этой комнатѣ, и догадывался, что забрелъ въ какой-то темный, зловѣщій притонъ, будучи увлеченъ чѣмъ-то могучимъ, но невѣдомымъ, не рассмотрѣвъ прежде, кто и каковы жильцы и кто именно его хозяева. Его начинало мучить подозрѣніе,—и вдругъ, среди ночной темноты опять началась шопотливая, длинная сказка и начала ее тихо, чуть внятно про себя какая-то старуха, печально качая передъ потухавшимъ огнемъ своей бѣлой, сѣдой головой. Но—и опять ужасъ нападалъ на него: сказка воплощалась передъ нимъ въ лица и формы. Онъ видѣлъ, какъ все, начиная съ дѣтскихъ, неясныхъ грезъ его, всѣ мысли и мечты его, все, что онъ выжилъ жизнию, все, что вычиталъ въ книгахъ, все, объ чемъ уже и забылъ давно, все одушевлялось, все складывалось, воплощалось, вставало передъ нимъ въ колоссальныхъ формахъ и образахъ, ходило, роилось кругомъ него, видѣлъ, какъ раскидывались передъ нимъ волшебные, роскошные сады, какъ слагались и разрушались въ глазахъ его цѣлые города, какъ цѣлыя кладбища высылали ему своихъ мертвецовъ, которые начинали жить съизнова, какъ приходили, рождались и отживали въ глазахъ его цѣлые племена и народы, какъ воплощалась, наконецъ, теперь, вокругъ болѣзненного одра его, каждая мысль его, каждая безплотная греза, воплощалась почти въ мигъ зарожденія; какъ, наконецъ, онъ мыслилъ не безплотными идеями, а цѣлыми мірами, цѣлыми созданіями, какъ онъ носился, подобно пылинкѣ, во всемъ этомъ безконечномъ, странномъ, невыходимомъ мірѣ, и какъ вся эта жизнь, своею мятежною независимостью, давить, гнететь его, и преслѣдуетъ его вѣчной, безконечной ироніей; онъ

слышалъ, какъ онъ умираетъ, разрушается въ пыль и прахъ, безъ воскресенія, на вѣки-вѣковъ; онъ хотѣлъ бѣжать, но не было угла во всей вселенной, чтобъ укрыть его. Наконецъ, въ припадкѣ отчаянія, онъ напругъ свои силы, вскрикнулъ и проснулся...

Онъ проснулся, весь облитый холоднымъ, ледянымъ потомъ. Кругомъ него стояла мертвая тишина; была глубокая ночь. Но все ему казалось, что гдѣ-то продолжается его дивная сказка, что чей-то хриплый голосъ дѣйствительно заводитъ долгій рассказъ о чемъ-то какъ будто ему знакомомъ. Онъ слышалъ, что говорятъ про темные лѣса, про какихъ-то лихихъ разбойниковъ, про какого-то удалаго молодца, чуть-чуть не про самого Стеньку Разина, про веселыхъ пьяницъ бурлаковъ, про одну красную дѣвицу и про Волгу-матушку. Не сказка ли это? наяву ли онъ слышитъ ее? Цѣлый часъ пролежалъ онъ открывъ глаза, не шевеля ни однимъ членомъ, въ мучительномъ оцѣпенѣннн. Наконецъ онъ привсталъ осторожно и съ веселіемъ ощутилъ въ себѣ силу, неистошившуюся въ лютой болѣзни. Бредъ прошелъ, началась дѣйствительность. Онъ замѣтилъ, что еще былъ одѣтъ такъ, какъ былъ во время разговора съ Катериной, и что, слѣдовательно, немного времени прошло съ того утра, какъ она ушла отъ него. Огонь рѣшимости пробѣжалъ по его жиламъ. Машинально отыскалъ онъ руками большой гвоздь, вбитый для чего-то вверху перегородки, возлѣ которой постлали постель его, схватился за него, и повиснувъ на немъ всѣмъ тѣломъ, кое-какъ добрался до щели, изъ которой выходилъ едва замѣтный свѣтъ въ его комнату. Онъ приложилъ глазъ къ отверстію и сталъ глядѣть, едва переводя духъ отъ волненія.

Въ углу хозяйской каморки стояла постель, передъ постелью столъ, покрытый ковромъ, заваленный книгами большой старинной формы, въ переплетахъ, напоминавшихъ священныя книги. Въ углу стоялъ образъ, такой же старинный, какъ и въ его комнатѣ; передъ образомъ горѣла лампада. На постели лежалъ старикъ Муринъ, больной, изможденный страданіемъ и блѣдный какъ полотно, закрытый мѣховымъ одѣяломъ. На колѣняхъ его была раскрытая книга. На скамьѣ возлѣ постели лежала Катерина, охвативъ рукою грудь старика и склонившись къ нему на плечо головою. Она смотрѣла на него внимательными, дѣтски-удивленными глазами и, казалось, съ неистощимымъ любопытствомъ, замирая отъ ожиданія, слушала то, что ей рассказывалъ Муринъ. По временамъ, голосъ рассказчика возвышался, одушевленіе отражалось на блѣдномъ лицѣ его; онъ хмурилъ брови, глаза его начинали сверкать, и Катерина, казалось, блѣднѣла отъ страха и волненія. Тогда что-то похожее на улыбку являлось на лицѣ старика, и Катерина начинала тихо смѣяться. Порой слезы загорались въ глазахъ ея; тогда старикъ нѣжно гладилъ ее по головѣ какъ ребенка, и она еще крѣпче обнимала его своею обнаженною, сверкающею какъ снѣгъ рукою, и еще любовнѣе припадала къ груди его.

По временамъ Ордынцовъ думалъ, что все это еще сонъ, даже былъ въ этомъ увѣренъ; но кровь ему бросилась въ голову и жилы напряженно, съ болью, бились на вискахъ его. Онъ выпустилъ гвоздь, всталъ съ постели, и качаясь, пробираясь какъ лунатикъ, самъ не понимая своего побужденія, вспыхнувшего цѣлымъ пожаромъ въ крови его, подошелъ къ хозяйскимъ дверямъ и съ силой толкнулся въ нихъ; ржавая задвижка отлетѣла

разомъ, и онъ вдругъ съ шумомъ и трескомъ очутился среди хозяйской спальни. Онъ видѣлъ, какъ вся вспорхнула и вздрогнула Катерина, какъ злобно засверкали глаза старика изъ-подъ тяжело-сдавленныхъ вмѣстѣ бровей, и какъ внезапно ярость исказила все лицо его. Онъ видѣлъ, какъ старикъ, не спуская съ него своихъ глазъ, блуждающей рукой на-скоро ищетъ ружье, висѣвшее на стѣнѣ; видѣлъ потомъ, какъ сверкнуло дуло ружья, направленное невѣрной, дрожащей отъ бѣшенства рукой прямо въ грудь его... Раздался выстрѣлъ, раздался потомъ дикій, почти нечеловѣческій крикъ, и когда разлетѣлся дымъ, страшное зрѣлище поразило Ордынова. Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ нагнулся надъ старикомъ. Муринъ лежалъ на полу; его корбило въ судорогахъ, лицо его было искажено въ мѣкахъ, и пѣна показывалась на искривленныхъ губахъ его. Ордыновъ догадался, что несчастный былъ въ жесточайшемъ припадкѣ падучей болѣзни. Вмѣстѣ съ Катериной, онъ бросился помогать ему...

III.

Вся ночь прошла въ тревогѣ. На другой день, Ордыновъ вышелъ рано по-утру, не смотря на свою слабость и на лихорадку, которая все еще не оставляла его. На дворѣ онъ опять встрѣтилъ дворника. Въ этотъ разъ, татаринъ еще издали приподнял фуражку и съ любопытствомъ поглядѣлъ на него. Потомъ, какъ-будто опомнясь, принялся за свою метлу, искоса взглядывая на медленно-приближавшагося Ордынова.

— Чтò? ты ничего не слыхалъ ночью? спросилъ Ордыновъ.

— Да, слыхалъ.

— Что́ это за человекъ? кто онъ такой?

— Сама нанимала, сама и знай; а моя чужая.

— Да будешь ли ты когда говорить! закричалъ Ордыновъ внѣ себя отъ припадка какой-то болѣзненной раздражительности.

— А моя что сдѣлала? Виновата твоя, — твоя жильцовъ пугала. Внизу гробовщикъ жилъ: онъ глухъ, а все слышалъ, и баба его глухая, и та слышала. А на другомъ дворѣ, хоть и далеко, а тоже слышала — вотъ. Я къ надзирателю пойду.

— Я самъ туда же пойду, отвѣчалъ Ордыновъ и пошелъ къ воротамъ.

— А хоть какъ хошь; сама нанимала... Баринъ, баринъ, постой! Ордыновъ оглянулся; дворникъ изъ учтивости тронулъ за шапку.

— Ну!

— Коль пойдешь, я къ хозяину пойду.

— Что жь?

— Лучше съѣзжай.

— Ты глупъ, проговорилъ Ордыновъ и опять пошелъ-было прочь.

— Баринъ, баринъ, постой! Дворникъ опять тронулъ за шапку и оскалилъ зубы.

— Слушай, баринъ: ты сердце держи; за что бѣднаго гнать? Бѣднаго гонять — грѣхъ. Богъ не велитъ — слышь?

— Служай же и ты: вотъ возьми это. Ну, кто жь онъ таковъ?

— Кто таковъ?

— Да.

— Я и безъ денегъ скажу.

Тутъ дворникъ взялъ метлу, махнулъ разъ-два, потомъ остановился, внимательно и важно посмотрѣвъ на Ордынова.

— Ты баринъ хорошій. А не хошь жить съ человекомъ хорошимъ, какъ хошь; моя вотъ какъ сказала.

Тутъ татаринъ посмотрѣлъ еще выразительнѣе и, какъ-будто осердясь, опять принялся за метлу. Показавъ наконецъ видъ, что кончилъ какое-то дѣло, онъ таинственно подошелъ къ Ордынову и, сдѣлавъ какой-то очень-выразительный жестъ, произнесъ:

— Она вотъ-что!

— Чего? Какъ?

— Ума нѣтъ.

— Что?

— Улетѣла. Да! улетѣла! повторилъ онъ еще болѣе таинственнымъ тономъ. — Она больна. У него барка была, большая была, и другая была, и третья была, по Волгѣ ходила, а я самъ изъ Волги: еще заводъ была, да сторѣла, и онъ безъ башка.

— Онъ помѣшанный?

— Ни!.. Ни! отвѣчалъ съ разстановкой татаринъ. — Не мѣшана. Онъ умный человѣкъ. Она все знаетъ, книжка много читала, читала, читала, все читала и другимъ правда сказывала. Такъ; пришла кто: два рубля, три рубля, 40 рубля, а не хошь какъ хошь; книжка посмотреть, увидить и всю правду скажетъ. А деньга на столъ, тотчасъ на столъ, — безъ деньга ни!

Тутъ татаринъ, съ излишкомъ сердца входившій въ интересы Мурина, даже засмѣялся отъ радости.

— Что жь, онъ колдовалъ, гадалъ кому нибудь?

— Гм... промычалъ дворникъ, скоро кивнувъ головою: — она правду сказывала. Она Бога молить, много мѡлитъ. А то такъ, находить на него.

Тутъ татаринъ олять повторилъ свой выразительный жестъ.

Въ эту минуту, кто-то кликнулъ дворника съ другаго двора, а вслѣдъ за тѣмъ показался какой-то маленькій, согбенный, сѣденькій человѣкъ въ тулупѣ. Онъ шелъ кряхтя, спотыкаясь, смо-

трѣлъ въ землю и что-то нашептывалъ про-себя. Можно было подумать, что онъ отъ старости выжилъ изъ ума.

— Хозяева, хозяева! прошепталъ въ попыхахъ дворникъ, на-скоро кивнувъ головою Ордынову и, сорвавъ шапку, бросился бѣгомъ къ старичку, котораго лицо было какъ-то знакомо Ордынову; по-крайней-мѣрѣ, онъ гдѣ-то встрѣтилъ его очень-недавно. Сообразивъ, впрочемъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, онъ пошелъ со двора. Дворникъ показался ему мошенникомъ и наглецомъ первой руки. — Бездѣльникъ точно торговался со мной! думалъ онъ: Богъ знаетъ, что тутъ такое! Онъ уже произнесъ это на улицѣ.

Мало-по-малу, его начали одолѣвать другія мысли. Впечатлѣніе было непріятное: день сѣрый и холодный, порхалъ снѣгъ. Молодой человѣкъ чувствовалъ, какъ ознобъ снова начинаетъ ломать его; онъ чувствовалъ тоже, что какъ-будто земля начинала подъ нимъ колыхаться. Вдругъ одинъ знакомый голосъ непріятно-сладенькимъ, дребежащимъ теноромъ пожелалъ ему добраго утра.

— Ярославъ Ильичъ! сказалъ Ордыновъ.

Передъ нимъ стоялъ бодрый, краснощекій человѣкъ, съ виду лѣтъ тридцати, не высокаго роста, съ сѣренькими масляными глазками, съ улыбочкой, одѣтый... какъ и всегда бываетъ одѣтъ Ярославъ Ильичъ, и пріятнѣйшимъ образомъ протягивалъ ему руку. Ордыновъ познакомился съ Ярославомъ Ильичемъ тому назадъ ровно годъ, совершенно-случайнымъ образомъ, почти на улицѣ. Очень легкому знакомству способствовала, кромѣ случайности, необыкновенная склонность Ярослава Ильича отъискивать всюду добрыхъ, благородныхъ людей, прежде всего образованныхъ и по-крайней-мѣрѣ талантомъ и красотою обращенія достойныхъ при-

надлежать высшему обществу. Хотя Ярославъ Ильичъ имѣлъ чрезвычайно-сладенькій теноръ, но даже въ разговорахъ съ искреннѣйшими друзьями, въ настроѣ его голоса проглядывало что-то необыкновенно-свѣтлое, могучее и повелительное, не терпящее никакихъ отлагательствъ, что было, можетъ быть, слѣдствіемъ привычки.

— Какимъ образомъ? вскрикнулъ Ярославъ Ильичъ съ выраженіемъ искреннѣйшей, восторженной радости.

— Я здѣсь живу.

— Давно ли? продолжалъ Ярославъ Ильичъ, подымая ноту все выше и выше. — И я не зналъ этого! Но я съ вами сосѣдъ! Я теперь уже въ здѣшней части. Я уже мѣсяцъ какъ воротился изъ рязанской губерніи. Поймалъ же васъ, старинный и благороднѣйшій другъ! — И Ярославъ Ильичъ разсмѣялся добродушнѣйшимъ образомъ.

— Сергѣевъ! закричалъ онъ вдохновенно:—жди меня у Тарасова; да чтобъ безъ меня не шевелили кулей. Да турни олсуфьевскаго дворника; скажи, чтобъ тотъ же часъ явился въ контору. Я прійду черезъ часъ...

На скоро отдавая кому то этотъ приказъ, деликатный Ярославъ Ильичъ взялъ Ордынова подъ руку и повелъ въ ближайшій трактиръ.

— Не успокоюсь безъ того, пока не перебросимъ двухъ словъ наединѣ послѣ такой долгой разлуки. Ну, что ваши занятія? прибавилъ онъ почти благоговѣйно и тайнственно понизивъ голосъ:—всегда въ наукахъ?

— Да, я по прежнему, отвѣчалъ Ордыновъ, у котораго мелькнула одна свѣтлая мысль.

— Благородно, Василій Михайловичъ, благородно! — Тутъ Ярославъ Ильичъ крѣпко пожалъ руку Ордынова:—вы будете украшеніемъ нашего

общества. Подай вамъ Господь счастливаго пути на вашемъ поприщѣ... Боже! Какъ я радъ, что васъ встрѣтилъ! Сколько разъ я вспоминалъ объ васъ, сколько разъ говорилъ: гдѣ то онъ, нашъ добрый, великодушный, остроумный Василій Михайловичъ?

Они заняли особую комнату. Ярославъ Ильичъ заказалъ закуску, велѣлъ подать водки и съ чувствомъ взглянулъ на Ордынова.

— Я много читалъ безъ васъ, началъ онъ робкимъ, немного вкрадчивымъ голосомъ.—Я прочелъ всего Пушкина...

Ордыновъ разсѣянно посмотрѣлъ на него.

— Удивительно изображеніе человѣческой страсти-съ.

— Но прежде всего позвольте мнѣ быть вамъ благодарнымъ. Вы такъ много сдѣлали для меня благородствомъ внушеній справедливаго образа мыслей...

— Помилуйте!

— Нѣтъ, позвольте-съ. Я всегда люблю воздать справедливость и горжусь, что, по крайней мѣрѣ, хоть это чувство не замолкло во мнѣ.

— Помилуйте, вы несправедливы къ себѣ, и я право...

— Нѣтъ, совершенно справедливъ-съ, возразилъ съ необыкновеннымъ жаромъ Ярославъ Ильичъ.—Что я такое въ сравненіи съ вами-съ? Не правда ли?

— Ахъ, Боже мой!

— Да-съ...

Тутъ послѣдовало молчаніе.

— Слѣдуя вашимъ совѣтамъ, я прервалъ много грубыхъ знакомствъ и смягчилъ отчасти грубость привычекъ, началъ опять Ярославъ Ильичъ нѣсколько робкимъ и вкрадчивымъ голосомъ. — Въ

свободное отъ должности время большею частію сажу дома; по вечерамъ читаю какую нибудь полезную книгу и... у меня одно желаніе, Василій Михайловичъ, приносить хоть посильную пользу отечеству...

— Я всегда считалъ васъ за благороднѣйшаго человѣка, Ярославъ Ильичъ.

— Вы всегда приносите бальзамъ... благородный молодой человѣкъ...

Ярославъ Ильичъ горячо пожалъ руку Ордынову.

— Вы не пьете? замѣтилъ онъ, немного утишивъ свое волненіе.

— Не могу; я боленъ.

— Больны? да, въ самомъ дѣлѣ! Давно ли, какъ, какимъ образомъ вы изволили заболѣть? Угодно, я скажу... какой медикъ васъ лечитъ? Угодно, я сейчасъ скажу нашему частному доктору. Я самъ, лично, къ нему побѣгу. Искуснѣйшій человѣкъ!

Ярославъ Ильичъ уже брался за шляпу.

— Покорно благодарю. Я не лечусь и не люблю лекарей...

— Что вы? можно ли этакъ? Но это искуснѣйшій человѣкъ, продолжалъ Ярославъ Ильичъ умоляя:—намедни,—но позвольте вамъ это рассказать, дорогой Василій Михайловичъ, —намедни приходитъ одинъ бѣдный слесарь: «я, вотъ», говоритъ, «накололъ себѣ руку моимъ орудіемъ; излечите меня...» Семень Пафнутаичъ, видя, что несчастному угрожаетъ антоновъ огонь, принялъ мѣру отрѣзать зараженный членъ. Онъ сдѣлалъ это при мнѣ. Но это было такъ сдѣлано, такимъ благородно-есть, такимъ восхитительнымъ образомъ, что, признаюсь, еслибъ не состраданіе къ страждущему человѣчеству, то было бы пріятно посмотреть такъ просто, изъ любопытства-сь. Но гдѣ и какъ изволили заболѣть?

— Переѣзжая на квартиру.... Я только что всталъ.

— Но вы еще очень нездоровы, и вамъ бы не слѣдовало выходить. Стало быть, вы уже не тамъ, гдѣ прежде, живете? Но что побудило васъ?

— Моя хозяйка уѣхала изъ Петербурга.

— Домна Савишна? Не уже ли?.. Добрая, истинно благородная старушка! Знаете ли? Я чувствовалъ къ ней почти сыновнее уваженіе. Что-то возвышенное прадѣдовскихъ лѣтъ свѣтилось въ этой почти отжившей жизни; и глядя на нее, какъ будто видишь передъ собой воплощеніе нашей сѣдой, величавой старинушки... т. е. изъ этого... что то тутъ, знаете, этакъ поэтическое!.. заключилъ Ярославъ Ильичъ, совершенно оробѣвъ и покраснѣвъ до ушей.

— Да, она была добрая женщина.

— Но позвольте узнать, гдѣ вы теперь изволили поселиться?

— Здѣсь, недалеко, въ домѣ Кошмарова.

— Я съ нимъ знакомъ. Величавый старикъ! Я съ нимъ, смѣю сказать, почти искренній другъ. Благородная старость!

Уста Ярослава Ильича почти дрожали отъ радости умиленія. Онъ спросилъ еще рюмку водки и трубку.

— Сами по себѣ нанимаете?

— Нѣтъ, у жильца.

— Кто таковъ? Можетъ быть, я тоже знакомъ.

— У Мурина, мѣщанина; старикъ высокаго роста...

— Муринъ, Муринъ; да, позвольте-съ, это на заднемъ дворѣ, надъ гробовщикомъ?

— Да, да, на самомъ заднемъ дворѣ.

— Гм... вамъ покойно жить-съ?

— Да я только что переѣхалъ.

— Гм... я только хотѣлъ сказать, гм... впрочемъ, но вы не замѣтили ль чего особеннаго?

— Право...

— То-есть, я увѣренъ, что вамъ будетъ жить у него хорошо, если вы останетесь довольны помѣщеніемъ... я и не къ тому говорю, готовъ предупредить; но, зная вашъ характеръ... Какъ вамъ показался этотъ старикъ-мѣщанинъ?

— Онъ, кажется, совсѣмъ больной человѣкъ.

— Да, онъ очень страждущъ... Но вы такого ничего не замѣтили? Вы говорили съ нимъ?

— Очень мало; онъ такой нелюдимый и желчный....

— Гм... Ярославъ Ильичъ задумался.

— Несчастный человѣкъ! сказалъ онъ помолчавъ.

— Онъ?

— Да, несчастный и вмѣстѣ съ тѣмъ до невѣроятности странный и занимательный человѣкъ. Впрочемъ, если онъ васъ не беспокоитъ... Извините, что я обратилъ вниманіе на такой предметъ, но я любопытствовалъ...

— И, право, возбудили и мое любопытство... Я бы очень желалъ знать, кто онъ таковъ. Къ тому же, я съ нимъ живу...

— Видите-ли-съ: говорятъ, этотъ человѣкъ былъ прежде очень богатъ. Онъ торговалъ, какъ вамъ, вѣроятно, удавалось слышать. По разнымъ несчастнымъ обстоятельствамъ, онъ обѣднѣлъ; у него въ бурю разбило нѣсколько барокъ съ грузомъ. Заводъ, ввѣренный, кажется, управленію близкаго и любимаго родственника, тоже подвергся несчастной участи и сгорѣлъ, при чемъ въ пламени пожара погибъ и самъ его родственникъ. Согласитесь, потеря ужасная! Тогда Муринъ, рассказываютъ, впалъ въ плачевное уныніе; стали опа-

саться за его разсудокъ, и дѣйствительно, въ одной ссорѣ съ другимъ купцомъ, тоже владѣтелемъ барокъ, ходившихъ по Волгѣ, онъ вдругъ выказалъ себя съ такой странной и неожиданной точки зрѣнія, что все происшедшее не иначе отнесли какъ къ сильному его помѣшательству, чѣму и я готовъ вѣрить. Я подробно слышалъ о нѣкоторыхъ его странностяхъ; накопецъ, вдругъ, случилось одно очень странное, такъ сказать, роковое обстоятельство, которое ужъ никакъ нельзя объяснить иначе, какъ враждебнымъ вліяніемъ прогнѣванной судьбы.

— Какое? спросилъ Ордынъвъ.

— Говорятъ, что въ болѣзненномъ припадкѣ сумасшествія онъ посягнулъ на жизнь одного молодого купца, котораго прежде чрезвычайно любилъ. Онъ былъ такъ пораженъ, когда очнулся послѣ припадка, что готовъ былъ лишить себя жизни: такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываютъ. Не знаю навѣрно, что произошло за этимъ, но извѣстно то, что онъ находился нѣсколько лѣтъ подъ покаяніемъ... Но что съ вами, Василій Михайловичъ, не утомляетъ ли васъ мой простой разсказъ?

— О, нѣтъ, ради Бога... Вы говорите, что онъ былъ подъ покаяніемъ; но онъ не одинъ.

— Не знаю-съ. Говорятъ, что былъ одинъ. По крайней мѣрѣ, никто другой не замѣшанъ въ томъ дѣлѣ. А, впрочемъ, не слыхалъ о дальнѣйшемъ; знаю только...

— Ну-съ.

— Знаю только,—то есть, я собственно ничего особеннаго не имѣлъ въ мысляхъ прибавить... я хочу только сказать, если вы находите въ немъ что-то необыкновенное и выходящее изъ обыкновеннаго уровня вещей, то все это произошло не

иначе, какъ слѣдствіемъ бѣдъ, обрушившихся на него одна за другою...

— Да, онъ такой богомольный, большой святоша.

— Не думаю, Василій Михайловичъ; онъ столько пострадалъ; мнѣ кажется, онъ чистъ своимъ сердцемъ.

— Но вѣдь теперь онъ не съумасшедшій; онъ здоровъ.

— О нѣтъ, нѣтъ; въ этомъ я вамъ могу поручиться, готовъ присягнуть; онъ въ полномъ владѣніи всѣхъ своихъ умственныхъ способностей. Онъ только, какъ вы справедливо замѣтили мелко, чрезвычайно чудной и богомольный. Очень даже разумный человѣкъ. Говоритъ бойко, смѣло и очень хитро-сь. Еще виденъ слѣдъ прошлой, бурной жизни на лицѣ его-сь. Любопытный человѣкъ-сь и чрезвычайно начитанный.

— Онъ, кажется, читаетъ все священные книги?

— Да-сь, онъ мистикъ-сь.

— Что?

— Мистикъ. Но я вамъ говорю это по секрету. По секрету скажу вамъ еще, что за нимъ былъ нѣкоторое время сильный присмотръ. Этотъ человѣкъ имѣлъ ужасное вліяніе на приходившихъ къ нему.

— Какое же?

— Но вы не повѣрите; видите-ли-сь: тогда еще онъ не жилъ въ здѣшнемъ кварталѣ, Александръ Игнатьичъ, почетный гражданинъ, человѣкъ сановитый и пользующійся общимъ уваженіемъ, ѣздили къ нему съ какимъ-то поручикомъ изъ любопытства. Пріѣзжаютъ они къ нему; ихъ принимаютъ, и странный человѣкъ начинаетъ имъ вглядываться въ лица. Онъ обыкновенно вглядывался въ лица, если соглашался быть полезнымъ; въ про-

тивномъ случаѣ отсылалъ приходящихъ назадъ и даже, говорятъ, весьма неучтиво. Спрашиваетъ онъ ихъ: что вамъ угодно, господа? Такъ и такъ, отвѣчаетъ Александръ Игнатъичъ: даръ вашъ можетъ сказать вамъ это и безъ насъ. Пожалуйте-жь, говоритъ, со мной въ другую комнату; тутъ онъ назначилъ именно того изъ нихъ, который до него имѣлъ надобность. Александръ Игнатъичъ не рассказывалъ, что съ нимъ было потомъ, но онъ вышелъ отъ него блѣдный какъ платокъ. То же самое случилось и съ одной знатной дамой высшего общества: она тоже вышла отъ него блѣдна какъ платокъ, вся въ слезахъ и въ изумленіи отъ его предсказанія и краснорѣчія.

— Странно. Но теперь онъ не занимается этимъ?

— Строжайше запрещено-съ. Были чудные примѣры-съ. Одинъ молодой корнетъ, цвѣтъ и надежда высшего семейства, глядя на него усмѣхнулся. «Что ты смѣешься?» сказалъ разсердившись старикъ: «черезъ три дня ты самъ будешь вотъ что!» — и онъ сложилъ на крестъ руки, означая такимъ знакомъ трупъ мертвеца.

— Ну?

— Не смѣю вѣрить, но, говорятъ, предсказаніе сбылось. Онъ имѣетъ даръ, Василій Михайловичъ... Вы изволили улыбнуться на мой простодушный рассказъ. Знаю, что вы далеко упредили меня въ просвѣщеніи; но я вѣрю ему: онъ не шарлатанъ. Самъ Пушкинъ упоминаетъ о чемъ-то подобномъ въ своихъ сочиненіяхъ.

— Гм. Не хочу вамъ противорѣчить. Вы, кажется, сказали, что онъ живетъ не одинъ.

— Я не знаю... съ нимъ, кажется, дочь его.

— Дочь?

— Да-съ, или, кажется, жена его; я знаю, что

живетъ съ нимъ какая-то женщина. Я видѣлъ мелькомъ и вниманія не обратилъ.

— Гм. Странно...

Молодой человекъ впалъ въ задумчивость. Ярославъ Ильичъ въ нѣжное созерцаніе. Онъ былъ растроганъ и тѣмъ, что видѣлъ стараго друга, и тѣмъ, что удовлетворительно рассказалъ интереснѣйшую вещь. Онъ сидѣлъ не спуская глазъ съ Василья Михайловича и потягивая изъ трубки; но вдругъ вскочилъ и засуетился.

— Цѣлый часъ прошелъ, а я и забылъ! Дорогой Василій Михайловичъ, еще разъ благодарю судьбу за то, что свела насъ вмѣстѣ, но мнѣ пора. Дозволите ли мнѣ посѣтить васъ въ вашемъ ученомъ жилищѣ?

— Сдѣлайте одолженіе, буду вамъ очень радъ. Навѣшу и самъ васъ, когда выпадетъ время.

— Вѣрять ли пріятному извѣстію? Обяжете, не сказано обяжете! — Не повѣрите, въ какой восторгъ вы меня привели!

Они вышли изъ трактира. Сергѣевъ уже летѣлъ имъ на встрѣчу и скороговоркой рапортовалъ Ярославу Ильичу, что Вильмъ Емельяновичъ изволятъ проѣзжать. Дѣйствительно, въ перспективѣ показалась пара лихихъ саврасокъ, впряженныхъ въ лихія пролетки. Особенно замѣчательна была необыкновенная пристяжная. Ярославъ Ильичъ сжалъ словно въ тискахъ руку лучшаго изъ друзей своихъ, приложился къ шляпѣ и пустился встрѣчать налетавшія дрожки. Дорогою онъ раза два обернулся и прощальнымъ образомъ кивнулъ головою Ордынову.

Ордыновъ чувствовалъ такую усталость, такое изнеможеніе во всѣхъ членахъ, что едва волочилъ ноги. Кое-какъ добрался онъ до дому. Въ воротахъ его опять встрѣтилъ дворникъ, прилежно на-

блюдавшій все его прощаніе съ Ярославомъ Ильичемъ, и еще издали сдѣлалъ ему какой-то пригласительный знакъ. Но молодой человѣкъ прошелъ мимо. Въ дверяхъ квартиры, онъ плотно столкнулся съ маленькой, сѣденькой фигуркой, выходившей потупивъ очи отъ Мурина.

— Господи, прости мои прегрѣшенія! прошептала фигурка, отскочивъ въ сторону съ упругостью пробки.

— Не ушибъ ли я васъ?

— Нѣтъ-съ, низайше благодарю за вниманіе... О, Господи, Господи!

Тихій человѣчекъ, кряхтя, охая и нашептывая что-то назидательное себѣ подъ носъ, бережно пустился по лѣстницѣ. Это былъ хозяинъ дома, котораго такъ испугался дворникъ. Тутъ только Ордынцовъ вспомнилъ, что видѣлъ его въ первый разъ здѣсь же у Мурина, когда переѣзжалъ на квартиру.

Онъ чувствовалъ, что былъ раздраженъ и потрясенъ; онъ зналъ, что фантазія и впечатлительность его напряжены до крайности и рѣшилъ не довѣрять себѣ. Мало по-малу онъ впалъ въ какое-то оцѣпенѣніе. Въ грудь его залегло какое-то тяжелое, гнетущее чувство. Сердце его ныло, какъ будто все изъязвленное, и вся душа была полна глухихъ, неизсякаемыхъ слезъ.

Онъ опять припалъ на постель, которую она постлала ему, и сталъ снова слушать. Онъ слышалъ два дыханія: одно тяжелое, болѣзненное, прерывистое, другое тихое, но неровное и какъ-будто тоже взволнованное, какъ-будто тамъ билось сердце однимъ и тѣмъ же стремленіемъ, одною и тою же страстью. Онъ слышалъ порою шумъ ея платья, легкой шелестъ ея тихихъ, мягкихъ шаговъ, и даже этотъ шелестъ ноги ея от-

давался глухою, но мучительно-сладостною болью въ его сердцѣ. Наконецъ, онъ какъ-будто разслушалъ рыданія, мятежный вздохъ и наконецъ опять ея молитву. Онъ зналъ, что она стоитъ на колѣняхъ передъ образомъ, ломая руки въ какомъ-то изступленномъ отчаяніи!.. Кто же она? За кого она проситъ? Какою безвыходною страстью смущено ея сердце? Отъ-чего оно такъ болитъ и тоскуетъ и выливается въ такихъ жаркихъ и безнадежныхъ слезахъ?..

Онъ началъ припоминать ея слова. Все, что она говорила ему, еще звучало въ ушахъ его, какъ музыка, и сердце любовно отдавалось глухимъ, тяжелымъ ударомъ на каждое воспоминаніе, на каждое набожно-повторенное ея слово. На мигъ мелькнуло въ умѣ его, что онъ видѣлъ все это во снѣ. Но въ тотъ же мигъ весь составъ его изнылъ въ замирающей тоскѣ, когда впечатлѣніе ея горячаго дыханія, ея словъ, ея поцалуя, наклеилось снова въ его воображеніи. Онъ закрылъ глаза и забылся. Гдѣ-то пробили часы; становилось поздно; падали сумерки.

Ему вдругъ показалось, что она опять склонилась надъ нимъ, что глядитъ въ его глаза своими чудно-ясными глазами, влажными отъ сверкающихъ слезъ безмятежной, свѣтлой радости, тихими и ясными, какъ бирюзовый, нескончаемый куполь неба въ жаркій полдень. Такимъ торжественнымъ спокойствіемъ сіяло лицо ея, такимъ обѣтованіемъ нескончаемаго блаженства теплилась ея улыбка, съ такимъ сочувствіемъ, съ такимъ младенческимъ увлеченіемъ преклонилась она на плечо его, что стонъ вырвался изъ его обезсиленной груди отъ радости. Она хотѣла ему что-то сказать; она ласково что-то повѣряла ему. Опять какъ-будто сердце-пронзающая музыка поразила слухъ его.

Онъ жадно впивалъ въ себя воздухъ, нагрѣтый, наэлектризованный ея близкимъ дыханіемъ. Въ тоскѣ онъ простеръ свои руки, вздохнулъ, открылъ глаза... Она стояла передъ нимъ, нагнувшись къ лицу его, вся блѣдная какъ отъ испуга, вся въ слезахъ, вся дрожа отъ волненія. Она что-то говорила ему, объ чемъ-то молила его, складывая и лаская свои полуобнаженные руки. Онъ обвилъ ее въ своихъ объятіяхъ, она вся трепетала на его груди...

ХОЗЯЙКА.

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

— Что ты? что съ тобою? говорилъ Ордынѣвъ, очнувшись совсѣмъ, все еще сжимая ее въ своихъ крѣпкихъ и горячихъ объятіяхъ: — что съ тобой, Катерина? что съ тобою, любовь моя?

Она тихо рыдала, потушивъ глаза и пряча разгорѣвшееся лицо у него на груди. Долго еще она не могла говорить и вся дрожала, какъ-будто въ испугѣ.

— Не знаю, не знаю, проговорила она, наконецъ, едва-слышнымъ голосомъ, задыхаясь и почти невыговаривая словъ: — не помню, какъ и къ тебѣ зашла я сюда... — Тутъ она еще крѣпче, еще съ бѣльшимъ стремленіемъ прижалась къ нему и въ неудержимомъ, судорожномъ чувствѣ цаловала ему плечо, руки, грудь; наконецъ, какъ будто въ отчаяннѣи, закрылась руками, припала на колѣни и скрыла въ его колѣняхъ свою голову. Когда же Ордынѣвъ, въ невыразимой тоскѣ, нетерпѣливо приподнялъ и посадилъ ее возлѣ себя, то цѣлымъ заревомъ стыда горѣло лицо ея, глаза ея плакали о помилованіи, и насильно пробивавшаяся на губѣ ея улыбка едва сплилась подавить неудержимую силу новаго ощущенія. Теперь она

была какъ будто снова чѣмъ-то испугана, недовѣрчиво отталкивала его рукой, едва взглядывала на него и отвѣчала на его ускоренные вопросы потупивъ голову, боязливо и шопотомъ.

— Ты, можетъ быть, видѣла страшный сонъ, говорилъ Ордынцовъ:— можетъ быть, тебѣ привидѣлось чтонибудь... да? Можетъ быть, онъ испугалъ тебя... Онъ въ бреду и безъ памяти... Можетъ быть, онъ чтонибудь говорилъ, что не тебѣ было слушать?.. Ты слышала чтонибудь? да?

— Нѣтъ, я не спала, отвѣчала Катерина, съ усиленіемъ подавляя свое волненіе. Сонъ и не шелъ ко мнѣ. Онъ все молчалъ и только разъ позвалъ меня. Я подходила, окликала его, говорила ему; мнѣ стало страшно; онъ не просыпался и не слышалъ меня. Онъ въ тяжеломъ недугѣ, подай Господь ему помощи! Тогда мнѣ на сердце стала тоска западать, горькая тоска! Я жь все молилась, все молилась, и вотъ это и нашло на меня.

— Полно, Катерина, полно, жизнь моя, полно! Это ты вчера испугалась...

— Нѣтъ, я не пугалась вчера!..

— Бываетъ это съ тобою другой разъ?

— Да, бываетъ.—И она вся задрожала и опять въ испугѣ стала прижиматься къ нему, какъ дитя.— Видишь, сказала она, прерывая рыданія:—я не напрасно пришла къ тебѣ, не напрасно тяжело было одной, повторяла она, благодарно сжимая его руки.—Полно же, полно о чужомъ горѣ слезы ронять! Прибереги ихъ на черный день, когда самому одинокому тяжело будетъ и не будетъ съ тобой никого!.. Слушай, была у тебя твоя любя?

— Нѣтъ... до тебя я не зналъ ни одной...

— До меня... ты меня своей любой зовешь?

Она вдругъ посмотрѣла на него, какъ будто съ удивленіемъ, что-то хотѣла сказать, но потомъ..

утихла и потупилась. Мало по малу, все лицо ея снова зардѣлось внезапно-запылавшимъ румянцемъ; ярче, сквозь забытыя, еще неостывшія на рѣсницахъ слезы, блеснули глаза, и видно было, что какой-то вопросъ шевелился на губахъ ея. Съ стыдливимъ лукавствомъ взглянула она раза два на него и потомъ вдругъ снова потупилась.

— Нѣтъ, не бывать мнѣ твоей первой любовью, сказала она:—нѣтъ, нѣтъ, повторяла она, покачивая головою, задумавшись, тогда какъ улыбка опять тихо прокрадывалась по лицу ея: — нѣтъ, сказала она наконецъ разсмѣявшись: — не мнѣ, родной, быть твоей любушкой.

Тутъ она взглянула на него; но столько грусти отразилось вдругъ на лицѣ ея, такая безвыходная печаль поразила разомъ всѣ черты ея, такъ неожиданно закипѣло изнутри, изъ сердца ея отчаяніе, что непонятное, болѣзненное чувство состраданія къ горю невѣдомому захватило духъ Ордынова, и онъ съ невыразимымъ мученіемъ глядѣлъ на нее.

— Слушай, что я скажу тебѣ, говорила она голосомъ пронзающимъ сердце, сжавъ его руки въ своихъ рукахъ, усиливаясь подавить свои рыданія.— Слушай меня хорошо, слушай, радость моя! Ты укроти свое сердце и не люби меня такъ, какъ теперь полюбилъ. Тебѣ легче будетъ, сердцу станетъ легче и радостнѣе, и отъ лютаго врага себя сбережешь, и любу-сестрицу себѣ наживешь. Буду къ тебѣ приходить, коль захочешь, миловать тебя буду и стыда на себя не возьму, что спозналась съ тобой. Была же съ тобою два дня, какъ лежалъ ты въ зломъ недугѣ! Спознай сестрицу! Не даромъ же мы братались съ тобой, не даромъ же я за тебя Богородицу слезно молила! другой такой-че нажать тебѣ! Миръ изойдешь кругомъ, подне-

бесную узнаешь— не найти тебѣ другой такой любви, коли любви твое сердце просить. Горячо тебя люблю, все какъ теперь любить буду, и за то люблю, что душа твоя чистая, свѣтлая, насквозь видна; за то, что какъ я взглянула впервой на тебя, такъ тотчасъ спознала, что ты моего дома гость, желанный гость и не даромъ къ намъ напросился; за то люблю, что, когда глядишь, твои глаза любятъ и про сердце твое говорятъ и когда скажутъ что, такъ я тотчасъ же обо всемъ, что ни есть въ тебѣ, знаю, и за то тебѣ жизнь отдать хочется на твою любовь, добрую волюшку, затѣмъ, что сладко быть и рабыней тому, чье сердце нашла... да жизнь-то моя не моя, а чужая, и волюшка связана! Сестрицу жь возьми и самъ будь мнѣ братъ, и меня въ свое сердце прийми, когда опять тоска, злая немочь нападетъ на меня: только самъ сдѣлай такъ, чтобъ мнѣ стыда не было къ тебѣ приходить и съ тобой долгую ночь какъ теперь просидѣть. Слышалъ меня? Открылъ ли мнѣ сердце свое? Взялъ ли въ разумъ, что я тебѣ говорила?.. Она хотѣла еще что-то сказать, взглянула на него, положила на плечо ему свою руку, и наконецъ, въ безсиліи припала къ груди его. Голосъ ея замеръ въ судорожномъ, страстномъ рыданіи, грудь волновалась глубоко, и лицо вспыхнуло, какъ заря вечерняя.

— Жизнь моя! прошепталъ Ордыновъ, у котораго зрѣніе помутилось и духъ занялся.— Радость моя! говорилъ онъ, не зная словъ своихъ, не помня ихъ, не понимая себя, трепеща, чтобъ однимъ дуновеніемъ не разрушить обаянія, не разрушить всего, что было съ нимъ и что скорѣе онъ принималъ за видѣніе, чѣмъ за дѣйствительность: такъ отуманилось все передъ нимъ!— Я не знаю, не понимаю тебя, я не помню, что ты мнѣ те-

перь говорила, разумъ тускнѣеть мой, сердце ноетъ въ груди, владычица моя!..

Тутъ голосъ его опять пресѣкъся отъ волненія. Она все крѣпче, все теплѣе, горячѣе прижималась къ нему. Онъ привсталъ съ мѣста и, уже не сдерживая себя болѣе, разбитый, обезсиленный восторгомъ, упалъ на колѣни. Рыданія судорожно, съ болью прорвались наконецъ изъ груди его, и пробившійся прямо изъ сердца голосъ задрожалъ, какъ струна, отъ всей полноты невѣдомаго восторга и блаженства.

— Кто ты, кто ты, родная моя? откуда ты, моя голубушка? говорилъ онъ, силясь подавить свои рыданія:—изъ какого неба ты въ мои небеса залетѣла? Точно сонъ кругомъ меня; я вѣрить въ тебя не могу. Не укоряй меня... дай мнѣ говорить, дай мнѣ все, все сказать тебѣ!.. Я долго хотѣлъ говорить... Кто ты, кто ты, радость моя?.. Какъ ты нашла мое сердце? Расскажи мнѣ, давно ли ты сестрица моя?.. Расскажи мнѣ все про себя, гдѣ ты была до сихъ поръ, — расскажи, какъ звали мѣсто, гдѣ ты жила, что ты тамъ полюбила сначала, чѣмъ рада была, и о чемъ тосковала?.. Былъ ли тамъ тепелъ воздухъ, чисто ли небо было?.. кто тебѣ были милыя, кто любили тебя до меня, къ кому тамъ впервые твоя душа запросилась?.. Была ль у тебя мать родная и она ль тебя дитятей лелѣяла, или, какъ я, одинокая, ты на жизнь оглянулась? Скажи мнѣ, всегда ль ты была такова? Что снилось, о чемъ гадала ты впередъ, что сбылось и что не сбылось у тебя—все скажи... По комъ заняло первый разъ твое дѣвичье сердце и за что ты его отдала? Скажи, что же мнѣ отдать тебѣ за него, что мнѣ отдать тебѣ за тебя?.. Скажи мнѣ, любушка, свѣтъ мой,

сестрица моя, скажи мнѣ, чѣмъ же мнѣ твое сердце нажать?..

Тутъ голосъ его снова изсякъ, и онъ склонилъ голову. Но когда поднялъ глаза, то нѣмой ужасъ оледенилъ его всего разомъ, и волосы встали дыбомъ на головѣ его.

Катерина сидѣла блѣдная какъ полотно. Она неподвижно смотрѣла въ воздухъ, губы ея были сини, какъ у мертвой, и глаза заволоклись нѣмой, мучительной мукой. Она медленно привстала, ступила два шага и съ пронзительнымъ воплемъ упала передъ образомъ... Отрывистыя, несвязныя слова вырывались изъ груди ея. Она лишилась чувствъ. Ордынцовъ, весь потрясенный страхомъ, поднялъ ее и донесъ до своей кровати; онъ стоялъ надъ нею не помня себя. Спустя минуту, она открыла глаза, приподнялась на постели, осмотрѣлась кругомъ и схватила его руку. Она привлекла его къ себѣ, силилась что-то прошептать все еще блѣдными губами, но голосъ все еще измѣнялъ ей. Наконецъ она разразилась градомъ слезъ; горячія капли жгли похолодѣвшую руку Ордынова.

— Тяжело, тяжело мнѣ теперь; часъ мой приходитъ послѣдній! проговорила она наконецъ, тоскуя въ безвыходной мукъ.

Она силилась еще что-то проговорить, но костенѣлый языкъ ея не могъ произнести ни одного слова. Съ отчаяніемъ глядѣла она на Ордынова, непонимавашаго ея. Онъ нагнулся къ ней ближе и вслушивался... Наконецъ, онъ услышалъ, какъ она прошептала явственно:

— Я испорчена, меня испортили, погубили меня!

Ордынцовъ поднялъ голову и съ дикимъ изумленіемъ взглянулъ на нее. Какая-то безобразная мысль мелькнула въ умъ его. Катерина в. судорожное, болѣзненное сжатіе его лица.

— Да! испортили, продолжала она: — меня испортилъ злой человѣкъ—онъ, погубитель мой!.. Я душу ему продала... Зачѣмъ, зачѣмъ объ родной ты помянулъ? что тебѣ было мучить меня? Богъ тебѣ, Богъ тебѣ судья!..

Черезъ минуту она заплакала; сердце Ордынова билось и ныло въ смертной тоскѣ.

— Онъ говорить, шептала она сдерживаемымъ, таинственнымъ голосомъ: — что когда умреть, то придетъ за моею грѣшной душой... Я его, я ему душой продалась... Онъ мучилъ меня, онъ мнѣ въ книгахъ читалъ... На, смотри, смотри его книгу! вотъ его книга. Онъ говорить, что я сдѣлала смертный грѣхъ... Смотри, смотри...

И она показывала ему книгу; Ордыновъ не замѣтилъ, откуда взялась она. Онъ машинально взялъ ее, всю писанную, какъ древнія раскольничьи книги, которыя ему удавалось прежде видѣть. Но теперь онъ былъ не въ силахъ смотрѣть и сосредоточить вниманіе свое на чемъ-нибудь другомъ. Книга выпала изъ рукъ его. Онъ тихо обнималъ Катерину, стараясь привести ее въ разумъ.

— Полно, полно! говорилъ онъ:—тебя испугали; я съ тобою; отдохни со мною, родная, любовь моя, свѣтъ мой!

— Ты не знаешь ничего, ничего! говорила она, крѣпко сжимая его руки:—я такая всегда!.. Я все боюсь... Полно, полно тебѣ меня мучить!..

— Я тогда къ нему иду, начала она черезъ минуту, переводя духъ. — Иной разъ онъ просто своими словами меня заговариваетъ, другой разъ беретъ свою книгу, самую большую, и читаетъ чадо мной. Онъ все грозное, суровое такое чита-

Я не знаю что, и понимаю не всякое слово; я беретъ страхъ, и когда я вслушиваюсь о голосъ, то словно это не онъ говорить, а

кто-то другой, недобрый, кого ничѣмъ не умягчишь, ничѣмъ не замолишь, и тяжело-тяжело станетъ на сердцѣ, горитъ оно... Тяжелѣй, чѣмъ когда начиналась тоска!

— Не ходи къ нему! Зачѣмъ же ты ходишь къ нему? говорилъ Ордынѡвъ, едва сознавая слова свои.

— Зачѣмъ я къ тебѣ пришла? Спроси — тоже не знаю... А онъ мнѣ все говоритъ: молись, молись! Иной разъ я встаю въ темную ночь и молюсь долго по цѣлымъ часамъ; часто и сонъ меня клонитъ; но страхъ все будитъ, все будитъ меня, и мнѣ все чудится тогда, что гроза кругомъ меня собирается, что худо мнѣ будетъ, что разорвутъ и затерзаютъ меня недобрые, что не замолить мнѣ угодниковъ, и что не спасутъ они меня отъ лютаго горя. Вся душа разрывается, словно распаяться все тѣло хочетъ отъ слезъ... Тутъ я опять стану молиться, и молюсь и молюсь до той поры, пока Владычица не посмотритъ на меня съ иконы любовнѣе. Тогда я встаю и отхожу на сонъ какъ убитая; иной разъ и засну на полу, на колѣняхъ предъ иконой. Тогда, случится, онъ проснетъ, подзоветъ меня, начнетъ меня голубить, ласкать, утѣшать, и тогда ужъ мнѣ и легче становится, и прійди хоть какая бѣда, я ужъ съ нимъ не боюсь. Онъ властенъ! Велико его слово!

— Но какая жъ бѣда, какая жъ бѣда у тебя?... И Ордынѡвъ ломалъ руки въ отчаяніи.

Катерина страшно поблѣднѣла. Она смотрѣла на него какъ приговоренная къ смерти, не чая помилованія.

— Меня?.. я дочь проклятая, я душегубка; меня мать прокляла! Я родную мать загубила!..

Ордынѡвъ безмолвно обнялъ ее. Онъ прижалась къ нему. Онъ чувствова

рожная дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу, и казалось, душа ея разставалась съ тѣломъ.

— Я ее въ сырую землю зарыла, говорила она вся въ тревогѣ своихъ воспоминаній, вся въ видѣніяхъ своего безвозвратно-прошедшаго:—я давно хотѣла говорить, онъ все заказывалъ мнѣ моленіемъ, укоромъ и словомъ гнѣвливымъ, а порой самъ на меня же подыметъ тоску мою, точно мой врагъ и супостатъ. А мнѣ все — какъ и теперь ночью—все приходитъ на умъ... Слушай, слушай! Это давно уже было, очень-давно, я и не помню когда, а все, какъ-будто вчера передо мною, словно сонъ вчерашній, что сосалъ мнѣ сердце всю ночь. Тоска надвое время длinitъ. Сядь, сядь здѣсь возлѣ меня; я все мое горе тебѣ расскажу; разрази меня, проклятую; проклятіемъ матернимъ... Я тебѣ жизнь мою предаю...

Ордынѣ хотѣлъ остановить ее, но она сложила руки, моля его любовь на вниманіе, и потомъ снова, еще съ большой тревогой начала говорить. Разказъ ея былъ безсвязенъ, въ словахъ слышалась буря душевная, но Ордынѣ все понималъ, затѣмъ, что жизнь ея стала его жизнію, горе ея его горемъ, и затѣмъ, что врагъ его уже въявь стоялъ передъ нимъ, воплощался и росъ передъ нимъ въ каждомъ ея словѣ, и какъ-будто съ неистощимой силой давилъ его сердце и ругался надъ его злобой. Кровь его волновалась, заливала сердце и путала мысли. Злой старикъ его сна (въ это вѣрилъ Ордынѣ) былъ въявь передъ нимъ.

— Вотъ такая же ночь была, начала говорить Катерина: — только грознѣе, и вѣтеръ вылъ по нашему лѣсу, какъ никогда еще не удавалось мнѣ слышать... или ужъ въ эту ночь началась погибель нашимъ окномъ дубъ сломило, а къ старый, сѣдой старикъ-нищій, и онъ

говорилъ, что еще малымъ детей помнилъ этотъ дубъ, и что онъ былъ такой же, какъ и тогда, когда вѣтеръ осилилъ его... Въ эту же ночь — какъ теперь все помню! — у отца барки на рѣкѣ бурей разбило, и онъ, хоть и немочь ломала его, поѣхалъ на мѣсто, какъ-только прибѣжали къ намъ на заводъ рыбаки. Мы съ матушкой сидѣли одни, я дремала, она объ чемъ-то грустила и горько плакала... да, я знала о чемъ! Она только-что хворала, была блѣдна и все говорила мнѣ, чтобъ я ей саванъ готовила... Вдругъ слышенъ въ полночь стукъ у воротъ; я вскочила, кровь залила мнѣ сердцѣ; матушка вскрикнула... я не взглянула на нее, я боялась, взяла фонарь, пошла сама отпирать ворота... Это былъ онъ! Мнѣ стало страшно, затѣмъ, что мнѣ всегда страшно было, какъ онъ приходилъ, и съ самага дѣтства такъ было, какъ только память во мнѣ родилась! У него только еще не было бѣлаго волоса; борода его была какъ смоль черна, глаза горѣли словно угли, и ни разу до-той поры онъ ласково на меня не взглянулъ. Онъ спросилъ: «дома ли мать?» Я, затворяю калитку, говорю, что «отца нѣту дома». Онъ сказалъ: «знаю», и вдругъ глянулъ на меня, такъ глянулъ... первый разъ онъ такъ глядѣлъ на меня. Я шла, а онъ все стоитъ. «Что ты ищешь?» — Думу думаю. Мы ужь въ свѣтелку входимъ. «А зачѣмъ ты сказала, что отца нѣту дома, когда я спрашивалъ дома ли мать?» Я молчу... Матушка обмерла — къ нему бросилась... онъ чуть взглянулъ, я все видѣла. Онъ былъ весь мокрый, издрогшій: буря гнала его двадцать верстъ — а откуда и гдѣ онъ бываетъ, ни я, ни матушка никогда не знали; мы его ужь девять недѣль не видали... бросилъ шапку, скинулъ рукавицы — образамъ не молится, хозяевамъ не кланяется — сѣлъ у огня...

Катерина провела рукою по лицу, какъ будто что-то гнело и давило ее, но черезъ минуту опять подняла голову и опять начала:

— Онъ сталъ съ матерью говорить по-татарски. Мать умѣла, я не понимала ни слова. Другой разъ, какъ онъ приходилъ, меня отсылали; а теперь мать родному дѣтищу слова сказать не посмѣла. Нечистый купилъ мою душу, и я, сама себѣ хвалясь, смотрѣла на матушку. Вижу, на меня смотрять, обо мнѣ говорятъ; она стала плакать; вижу, онъ за ножъ хватается, а ужъ не одинъ разъ, съ недавняго времени, онъ при мнѣ за ножъ хватался, когда съ матерью говорилъ. Я встала и схватилась за его поясъ, хотѣла у него ножъ его вырвать нечистый. Онъ скрипнулъ зубами, вскрикнулъ, и хотѣлъ меня отбить—въ грудь ударилъ, да не оттолкнулъ. Я думала, тутъ и умру, глаза заволокло, падаю на земь—да не вскрикнула. Смотрю, сколько силъ было видѣть, снимаетъ онъ поясъ, засучиваетъ руку, которой ударилъ меня, ножъ вынимаетъ, мнѣ даетъ: «На, рѣжь ее прочь, натѣшься надъ ней, во сколько обиды моей къ тебѣ было, а я, гордая, за то до-земи тебѣ поклонюсь». Я ножъ отложила; кровь меня душить начала, на него не глянула, помню, усмѣхнулась губъ не разжимая, да прямо матушкѣ въ печальныя очи смотрю, грозно смотрю, а у самой смѣхъ съ губъ не сходитъ безстыдный; а мать сидитъ блѣдная, мертвая...

Ордынѣвъ съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ несвязный разсказъ; но мало-по-малу тревога ея стихла на первомъ порывѣ; рѣчь стала покойнѣе; воспоминанія увлекли совсѣмъ бѣдную женщину и разбили тоску ея по всему своему безбрежному морю.

— Онъ взялъ шапку не кланаясь. Я опять взяла

фонарь его провожать, вмѣсто матушки, которая, хоть больная сидѣла, а хотѣла за нимъ идти. Дошли мы съ нимъ до воротъ: я молчу, калитку ему отворила, собакъ прогнала. Смотрю—снимаетъ онъ шапку и мнѣ поклонъ. Вижу, идетъ къ себѣ за пазуху, вынимаетъ коробокъ красный, сафьянный, задвижку отводить; смотрю: бурмицкія зерна, — мнѣ на поклонъ. «Есть» говоритъ «у меня въ пригородѣи красавица, ей везъ на поклонъ, да не къ ней завезъ; возьми, красная дѣвица, полепѣй свою красоту, хоть ногой растопчи, да возьми». Я взяла, а ногой топтать не хотѣла, чести много не хотѣла давать, а взяла какъ ехидна, не сказала ни слова на что. Пришла и поставила на столъ передъ матерью—для того и брала. Родимая съ минуту молчала, вся какъ платокъ бѣла, говорятъ со мной словно боится. «Что жъ это, Катя?» А я отвѣчаю:—тебѣ, родная, купецъ приносилъ, я не вѣдаю. Смотрю, у ней слезы выдавились, духъ захватило. «Не мнѣ, Катя; не мнѣ, дочка злая, не мнѣ». Помню, такъ горько, такъ горько сказала, словно всю душу выплакала. Я глаза подняла, хотѣла ей въ ноги броситься, да вдругъ окаянный подсказалъ: «Ну, не тебѣ, вѣрно батюшкѣ; ему передамъ, коль воротится; скажу: купцы были, товаръ позабыли...» Тутъ какъ всплachtetъ она, родная моя... «Я сама скажу, что за купцы пріѣзжали и за какимъ товаромъ пріѣхали... Ужь я скажу ему, чья ты дочь, беззаконница! Ты же не дочь мнѣ теперь, ты мнѣ змѣя подколодная! ты дѣтище мое проклятое!» Я молчу, слезы нейдуть у меня... ахъ! словно все во мнѣ вымерло... Пошла я къ себѣ въ свѣтлицу и всю то ноченьку бурю прослушала, да подъ бурей свои мысли слагала.

«А между тѣмъ пять дѣнь прошло. Вотъ вве-

черу приѣзжаетъ черезъ пять дѣнь батюшка, хмурый и грозный, да немочь то дорогой сломила его. Смотрю, рука у него подвязана; смекнула я, что дорогу ему врагъ его перешель; а врагъ тогда утомилъ его и немочь наслалъ на него. Знала я тоже, кто его врагъ, все знала. Съ матушкой слова не молвилъ, про меня не спросилъ, всѣхъ людей созвалъ, заводъ остановить приказалъ и домъ отъ худаго глаза беречь. Я почувяла сердцемъ въ тотъ часъ, что дома у насъ нездорово. Вотъ ждемъ, прошла ночь, тоже бурная, вьюжная, и тревога мнѣ въ душу запала. Отворила я окно— горитъ лицо, плачутъ очи, жжетъ сердце неугомонное; сама какъ въ огнѣ: такъ и хочется мнѣ вонъ изъ свѣтлицы, дальше, на край свѣта, гдѣ молонья и буря родятся. Грудь моя дѣвичья ходенѣмъ ходитъ... вдругъ, ужь поздно — я какъ будто вздремнула, иль туманъ мнѣ на душу запалъ, разумъ смутилъ — слышу, стучать въ окно: отвори! Смотрю, человекъ въ окно по веревкѣ вскарабкался. Я тотчасъ узнала, кто въ гости пожаловалъ, отворила окно и впустила его въ свѣтлицу свою одинокую. А былъ онъ! Шапки не снялъ, сѣлъ на лавку, запыхался, еле духъ переводить, словно погоня была. Я стала въ уголь и сама знаю, какъ вся поблѣднѣла. — Дома отецъ? «Дома.» — А мать? «Дома и мать.» — Молчи же теперь; слышишь. — «Слышу.» — Что? «Свистъ подъ окномъ!» — Ну, хочешь теперь, красная дѣвица, съ недруга голову снять, батюшку родимаго кликнуть, душу мою загубить? Изъ твоей дѣвичьей воли не выйду; вотъ и веревка, вяжи, коли сердце велить за обиду свою заступиться. — Я молчу. — Что жъ? промолви, радость моя? «Чего тебѣ нужно?» — А нужно мнѣ вѣрога уходить, съ старой любой по добру по здорову проститься, а новой, молодой, какъ ты,

красной дѣвицѣ, душой поклониться... Я засмѣялась; и сама не знаю, какъ его нечистая рѣчь въ мое сердце дошла.—Пусти жь меня, красная дѣвица, прогуляться внизъ, свое сердце извѣдать, хозяевамъ поклонъ отнести.—Я вся дрожу, стучу зубомъ объ зубъ, а сердце словно желѣзо каленое. Пошла, дверь ему отворила, впустила въ домъ, только на порогѣ черезъ силу промолвила: «На, вотъ! возьми свои зерна, и не дари меня другой разъ никогда» и сама ему коробокъ во слѣдъ бросила.

Тутъ Катерина остановилась перевести духъ; она то вздрагивала и какъ листъ блѣднѣла, то кровь всходила ей въ голову, и теперь, когда она остановилась, щеки ея пылали огнемъ, глаза блистали сквозь слезы, и тяжелое, прерывистое дыханіе колебало грудь ея. Но вдругъ она опять поблѣднѣла, и голосъ ея упалъ, задрожавъ тревожно и грустно.

— Тогда я осталась одна, и будто буря меня кругомъ обхватила. Вдругъ слышу крикъ, слышу, по двору люди до завода бѣгутъ, слышу говоръ: «заводъ горить». Я притаилась, изъ дома всѣ убѣжали; осталась я съ матушкой. Знала я, что она съ жизнью разстается, третьи сутки на смертной постели лежитъ, знала я, окаянная дочь!.. Вдругъ слышу крикъ подъ моей свѣтлицей, слабый, словно ребенокъ вскрикнулъ, когда во снѣ испугается, и потомъ все затихло. Я задула свѣчу, сама леде-нѣю, закрылась руками, глянуть боюсь. Вдругъ слышу крикъ подлѣ меня, слышу съ завода люди бѣгутъ. Я въ окно свѣсилась: вижу, несутъ ба-юшку мертваго, слышу, говорятъ межъ собою: «оступился, съ лѣстницы въ котель раскаленный упалъ; знать, нечистый его туда подтолкнулъ.» Я припала на постель; жду, сама вся замерла, и не

знаю чего и кого ждала; только тяжело у меня было въ этотъ часъ. Не помню, сколько ждала; помню, что меня вдругъ всю колыхать начало, головѣ тяжело стало, глаза выѣдало дымомъ; и рада была я, что близка моя гибель! Вдругъ, слышу, кто то меня за плеча подымаетъ. Смотрю сколько глядѣть могу: онъ весь опаленный и кафтанъ его, горячій на ошупь, дымится.

— «За тобой пришелъ, красная дѣвица; уводи жь меня отъ бѣды, какъ прежде на бѣду наводила; душу свою я за тебя сгубилъ. Не отмолишь мнѣ этой ночи проклятой! Развѣ вмѣстѣ будемъ молиться!» Смѣялся онъ, злой человекъ! «Покажи» говорить, «какъ пройти, чтобъ не мимо людей!» Я взяла его за руку и повела за собой. Прошли мы корридоръ—со мной ключи были—отворила я дверь въ кладовую, и показала ему на окно. А окно наше въ садъ выходило. Онъ схватилъ меня на могучія руки, обнялъ и выпрыгнулъ со мною вонъ изъ окна. Мы побѣжали съ нимъ рука въ руку, долго бѣжали. Смотримъ: густой, темный лѣсъ. Онъ сталъ слушать: «погоня, Катя, за нами! погоня за нами, красная дѣвица, да не въ этотъ часъ намъ животы свои положить! Поцалуй меня, красная дѣвица, на любовь да на вѣчное счастье!»— А отъ чего у тебя руки въ крови? — «Руки въ крови, моя родимая? а вашихъ собакъ порѣзалъ; разлаялись больно на поздняго гостя. Пойдемъ!» Мы опять побѣжали; видимъ, на тропинкѣ батюшкинъ конь, узду перервалъ, изъ конюшни выбѣжалъ; знать ему горѣть не хотѣлось! «Садись, Катя, со мной! Богъ нашъ намъ помочь послалъ!» Я молчу. «Аль не хочешь? я вѣдь не нехристь какой, не нечистый; вотъ перекрещусь, коли хочешь,» и тутъ онъ крестъ положилъ. Я сѣла, прижалась къ нему и забылась совсѣмъ у него на

груди, словно сонъ какой нашель на меня, а какъ, очнулась, вижу, стоимъ у широкой-широкой рѣки. Опъ слѣзъ, меня съ лошади снялъ, и пошолъ въ тростникъ: тамъ онъ лодку свою затаилъ. Мы ужь сядились. «Ну, прощай, добрый конь, ступай до новаго хозяина, а старые всѣ тебя покидаютъ!» Я бросилась къ коню батюшкину и крѣпко на разлуку обняла его. Потомъ мы сѣли, онъ весла взялъ, и мигомъ стало намъ береговъ не видать. И когда стало намъ береговъ не видать, смотрю, онъ весла сложилъ, и кругомъ, по всей водѣ осмотрѣлся.

— «Здравствуй» промолвилъ «матушка, бурная рѣченька, Божьему люду полица, а моя кормилица! Скажи-ка, берегла ль ты мое добро безъ меня, цѣлы ль товары мои!» Я молчу, очи на грудь опустила: лицо стыдомъ, какъ полымемъ пышетъ. А онъ: «Ужь и все бѣ ты взяла, бурная, ненасытная, а дала бѣ мнѣ обѣтъ беречь и лѣять жемчужину мою многоцѣнную! Урони жь хоть словечко, красная дѣвица, просіяй въ бурю солнцемъ, разгони свѣтомъ темную ночь!»—Говорить, а самъ усмѣхается; жгло его сердце по мнѣ, да усмѣшки его, со стыда, мнѣ стерпѣть не хотѣлось; хотѣлось слово сказать, да сробѣла, смолчала. «Ну, инъ быть такъ!» отвѣчаетъ онъ на мою думу робкую, говоритъ будто съ горя, самаго будто горе беретъ. «Знать, съ силы ничего не возьмешь. Богъ же съ тобой, слѣсивая, голубица моя, красная дѣвица! Видно сильна ко мнѣ твоя ненависть, иль ужь такъ не любо я твоимъ свѣтлымъ очамъ приглянулся.» Слушала я и зло меня взяло, зло съ любви взяло; я сердце осилила, промолвила: любь иль не любь ты пришелся мнѣ, знать не мнѣ про то знать, а вѣрно другой какой неразумной, безтыжей, что свѣтлицу свою дѣвичью въ темную ночь опозорила, за смертный грѣхъ

душу свою продала, да сердца своего не сдержала безумнаго; да знать про то вѣрно моимъ горючимъ слезамъ, да тому, кто чужой бѣдой воровски похваляется, надъ дѣвичьимъ сердцемъ насмѣхается! Сказала да не стерпѣла, заплакала... Онъ помолчалъ, поглядѣлъ на меня такъ, что я какъ листъ задрожала. «Слушай же» говоритъ мнѣ «красная дѣвица» — а у самаго чудно очи горять» — не праздное слово скажу, а дамъ тебѣ великое слово: на сколько счастья мнѣ подаришь, на столько буду и я тебѣ господинъ, а не влюбишь когда — и не говори, словъ не роняй, не трудись, а двинь только бровью своей соболиною, поведи чернымъ глазомъ, мизинцемъ однимъ шевельни, и отдамъ тебѣ назадъ любовь твою съ золотою волюшкой; только будетъ тутъ, краса моя гордая, несносимая, и моей жизни конецъ! И тутъ вся плоть моя на его слова усмѣхнулась...

Тутъ глубокое волненіе прервало-было рассказъ Катерины; она перевела духъ, усмѣхнулась новой думѣ своей и хотѣла было продолжать, но вдругъ сверкающій взглядъ ея встрѣтилъ воспаленный, прикованный къ ней взглядъ Ордынова. Она вздрогнула, хотѣла было что-то сказать, но кровь залила ей лицо... Словно въ безпамятствѣ закрылась она руками и бросилась лицомъ на подушки. Все потряслось въ Ордыновѣ! Какое-то мучительное чувство, смятеніе безотчетное, невыносимое разливалось какъ ядъ по всѣмъ его жиламъ и росло съ каждымъ словомъ рассказа Катерины: безвыходное стремленіе, страсть жадная и невыносимая захватила думы его, мутила его чувства. Но грусть тяжелая, безконечная въ то же время все болѣе и болѣе давила его сердце. Минутами онъ хотѣлъ кричать Катеринѣ, чтобъ она замолчала, хотѣлъ броситься къ ногамъ ея и молить своими слезами,

чтобъ она возвратила ему его прежнія муки любви, а его прежнее, безотчетное, чистое стремленіе, и ему жаль стало давно уже высохшихъ слезъ своихъ. Сердце его ныло, болѣзненно обливаясь кровью и не давая слезъ уязвленной душѣ его. Онъ не понималъ, что говорила ему Катерина, и любовь его пугалась чувства, волновавшаго бѣдную женщину. Онъ проклялъ страсть свою въ эту минуту: она душила, томила его, и онъ слышалъ, какъ растопленный свинецъ вмѣсто крови потекъ въ его жилахъ.

— Ахъ, не въ томъ мое горе, сказала Катерина, вдругъ приподнявъ свою голову: — что я тебѣ говорила теперѣ, не въ томъ мое горе, продолжала она голосомъ, зазвенѣвшимъ какъ мѣдь отъ новаго неожиданнаго чувства, тогда какъ вся душа ея разрывалась отъ затаившихся, безвыходныхъ слезъ: — не въ томъ мое горе, не въ томъ мѣла, забота моя! Что, что мнѣ до родимой моей, хоть и не нажать мнѣ на всемъ свѣтѣ другой родной матушки! что мнѣ до того, что прокляла она меня въ часъ свой тяжелый, послѣдній! что мнѣ до золотой прежней жизни моей, до теплой свѣтлицы, до дѣвичьей волюшки! что мнѣ до того, что продалась я нечистому и душу мою отдала погубителю, за счастье вѣчный грѣхъ понесла! ахъ, не въ томъ мое горе, хоть и на этомъ велика погибель моя! А то мнѣ горько и рветъ мнѣ сердце, что я рабыня его опозоренная, что позоръ и стыдъ мой самой безстыдной мнѣ любъ, что любо жадному сердцу и вспоминать свое горе, словно радость и счастье — въ томъ мое горе, что нѣтъ силы въ немъ и нѣтъ гнѣва за обиду свою!..

Духъ занялся въ груди бѣдной женщины, и судорожное, истерическое рыданіе пресѣкло слова ея. Горячее, порывистое дыханіе палило ея губы,

рудь подымалась и опускалась глубоко, и непонятнымъ негодованіемъ сверкнули глаза ея. Но столько очарованія озолотило лице ея въ эту минуту, такимъ страстнымъ потокомъ чувства, такой невыносимой, неслыханной красотою задрожала каждая линія, каждый мускуль его, что разомъ угасла черная дума и замолкла чистая грусть въ груди Ордынова. Сердце его рвалось прижаться къ ея сердцу и страстно въ безумномъ волненіи забыться въ немъ вмѣстѣ, застучать въ ладъ тою же бурей, тѣмъ же порывомъ невѣдомой страсти и хотъ замереть съ нимъ вмѣстѣ. Катерина встрѣтила помутившійся взоръ Ордынова и улыбнулась такъ, что удвоеннымъ потокомъ огня обдало его сердце. Онъ едва помнилъ себя.

— Пожалѣй меня, пощади меня! шепталъ онъ ей, сдерживая дрожащій свой голосъ, наклоняясь къ ней опершись рукою на ея плечо, и близко, близко такъ, что дыханіе ихъ сливалось въ одно, смотря ей въ глаза: — ты сгубила меня! Я твоего горя не знаю и душа моя смутилась... Чтò мнѣ до того, объ чемъ плачетъ твое сердце! Скажи, что ты хочешь... я сдѣлаю. Пойдемъ же со мною, пойдемъ, не убей меня, не мертви меня!..

Катерина смотрѣла на него неподвижно; слезы высохли на горячихъ щекахъ ея. Она хотѣла прервать его, взяла его за руку, хотѣла сама что-то говорить и какъ-будто не находила словъ. Какая-то странная улыбка медленно появилась на ея губахъ, словно смѣхъ пробивался сквозь эту улыбку.

— Не все жь я, знать, тебѣ рассказала, проговорила она наконецъ прерывистымъ голосомъ. — Еще расскажу; только будешь ли, будешь ли слушать меня, горячее сердце? Послушай сестрицу свою! Знать мало спозналъ ты ея лютаго горя! Хотѣла бъ я рассказать, какъ я съ нимъ годъ

прожила, да не стану... А минуль годъ, ушелъ онъ съ товарищами внизъ по рѣкѣ, и осталась я у названной матушки его во пристани ждать. Жду его мѣсяцъ, другой — и повстрѣчалась я въ пригородьи съ молодымъ купцомъ, взглянула на него и вспомнила про былые годы золотые. — «Любушка-сестрица!» говоритъ онъ, какъ два слова перемолвилъ со мной: «я Алеша, твой названный суженой, насъ дѣтьми старики на словахъ повѣнчали; забыла меня, вспомни-ка, я изъ вашего мѣста... А чтò говорятъ обо мнѣ въ вашемъ мѣстѣ? — «А говоритъ людской толкъ, что ты нечестно пошла, дѣвичій стыдъ позабыла, съ разбойникомъ, душегубцемъ спозналась» говоритъ мнѣ Алеша, смѣясь. — А ты что про меня говорилъ? — «Много хотѣлъ говорить, какъ сюда подѣзжалъ» — и смутилось въ немъ сердце — «много сказать захотѣлось, а теперь душа у меня помертвѣла, какъ завидѣлъ тебя; сгубила ты меня!» говоритъ. «Купи жь и мою душу, возьми ее, хоть насмѣйся надъ сердцемъ, любовью моею, красная дѣвица. Я теперь сиротинushка, хозяинъ свой, и душа-то моя своя, не чужая, не продавалъ ее никому, какъ иная, что память свою загасила, а сердце не покупать стать, даромъ отдамъ, да видно дѣло оно наживное!» Я засмѣялась; и не разъ и не два говорилъ — цѣлый мѣсяцъ въ усадьбѣ живетъ, бросилъ товары, своихъ отпустилъ, одинъ-одинѣшенекъ. Жаль мнѣ стало его сиротскихъ слезъ. Вотъ и сказала я ему разъ поутру: жди меня, Алеша, какъ стемнѣетъ ночь, пониже у пристани; поѣдемъ съ тобой въ твое мѣсто! опостылѣла мнѣ жизнь моя горемычная! — Вотъ ночь пришла, я узелокъ навязала, и душа заныла, заиграла во мнѣ. Смотрю, входитъ хозяинъ мой, нежданно, невѣдомо. — Здравствуй; пойдѣмъ; на рѣкѣ будетъ буря, а время не

ждеть. Я пошла за нимъ; къ рѣкѣ подошли, а до своихъ было далеко плыть; смотримъ: лодка и-знакомый въ ней гребецъ сидитъ словно поджидаетъ его. «Здравствуй, Алеша, Богъ въ помощь тебѣ! Чтѣ? аль на пристани запоздалъ, на суда свои поспѣшаешь? Довези-ка, добрый человекъ, вотъ меня да съ хозяйшкой, къ своимъ въ наше мѣсто; лодку свою я отпустилъ, а вплавь пойдти не умѣю.— «Садись» сказалъ Алеша, а у меня вся душа изныла, какъ слышала я голосъ его. «Садись и съ хозяйшкой; вѣтеръ для всѣхъ, а въ моемъ терему и для васъ будетъ мѣсто.» Сѣли; ночь была темная, звѣзды попрятались, вѣтеръ завылъ, встала волна, а отъ берега мы съ версту отѣхали. Всѣ трое молчимъ.

— «Буря!» говоритъ мой хозяинъ: «и не къ добру эта буря! Такой бури я сродясь еще на рѣкѣ не видалъ; какая теперь разыграется! Тяжело нашей лодкѣ! не сносить ей троихъ!» — Да, не сносить, отвѣчаетъ Алеша: и одинъ изъ насъ, зная, лишній выходить; говорить, а у самого голосъ дрожить какъ струна. — «А чтѣ, Алеша? зналъ я тебя малымъ дитѣй, брался съ твоимъ роднымъ батюшкой, хлѣбъ-соль вмѣстѣ водили—скажи мнѣ, Алеша, дойдешь ли безъ лодки до берега, иль сгинешь ни за что, душу погубишь свою?» — Не дойду! А ты, добрый человекъ, какъ случится, неровень часъ и тебѣ порой водицы испить, дойдешь или нѣтъ? — «Не дойду: тутъ и конецъ моей душеньки, не сносить меня бурной рѣкѣ!» — Слушай же ты теперь, Катеринушка, жемчужина моя многоцѣнная! помню я одну такую же ночь, только тогда не колыхалась волна, звѣзды сіяли и мѣсяцъ свѣтилъ... «Хочу тебя такъ спроси спросить, не забыла ли ты?» — Помню, я говорю... «А какъ не забыла ея, такъ и уговора не забыла, какъ училъ

«Одинъ молодецъ одну красну дѣвицу волюшку свою похитить назадъ у немилова-а?»—Нѣтъ и того не забыла, говорю, а сама ни жива, ни мертва.—«А не забыла! такъ вотъ теперь въ лодкѣ намъ тяжело. Ужь не пришло ли чье время? Скажи, родная, скажи, голубица, проворкуй намъ по голубиному, свое слово ласковое...

«Я слова моего не сказала тогда!» прошептала Катерина блѣднѣя... Она не докончила.

— Катерина! раздался надъ ними глухой, хриплый голосъ. Ордынцовъ вздрогнулъ. Въ дверяхъ стоялъ Мурынъ. Онъ былъ едва закрытъ мѣховымъ одѣяломъ, блѣденъ какъ смерть и смотрѣлъ на нихъ почти-обезумѣвшимъ взглядомъ. Катерина блѣднѣла больше и больше и тоже смотрѣла на него неподвижно, какъ будто очарованная.

— Иди ко мнѣ, Катерина! прошепталъ больной едва слышнымъ голосомъ и вышелъ изъ комнаты. Катерина все еще смотрѣла неподвижно въ воздухъ, все будто бы еще старикъ стоялъ передъ нею. Но вдругъ кровь мгновенно опалила ея блѣдныя щеки, и она медленно приподнялась съ постели. Ордынцовъ вспомнилъ первую встрѣчу.

— Такъ до завтра же, слезы мои! сказала она, какъ-то странно усмѣхаясь:—до завтра! Помни жъ, на чемъ перестала я: «выбирай изъ двухъ: кто любь иль не любь тебѣ, красная дѣвица!» Будешь помнить, подождешь одну ночку? повторила она, положивъ ему свои руки на плеча и нѣжно смотря на него.

— Катерина, не ходи, не губи себя! Онъ сумасшедшій! шепталъ Ордынцовъ, дрожа за нее.

— Катерина! раздался голосъ за перегородкой.

— Что жъ? зарѣжетъ, не бось? отвѣчала смѣясь Катерина. — Доброй ночи тебѣ, сердце мое ненаглядное, голубъ горячій мой, братецъ родной! го-

ворила она, нѣжно прижавъ его голову къ груди своей, тогда какъ слезы оросили вдругъ лицо ея.— Это послѣднія слезы. Переспи жь свое горе, любимый мой, проснешься завтра на радость. И она страстно поцаловала его.

— Катерина! Катерина! шепталъ Ордыновъ, упавъ передъ ней на колѣни и порываясь остановить ее.— Катерина!

Она обернулась, улыбаясь кивнула ему головою и вышла изъ комнаты. Ордыновъ слышалъ, какъ она вошла къ Мурину; онъ затаилъ дыханіе, прислушиваясь; но ни звука не услышалъ онъ болѣе. Старикъ молчалъ или, можетъ быть, опять былъ безъ памяти... Онъ хотѣлъ-было идти къ ней туда, но ноги его подкашивались... Онъ ослабѣлъ и присѣлъ на постели...

II.

Долго не могъ онъ узнать часа, когда очнулся. Были разсвѣтъ или сумерки: въ комнатѣ все еще было темно. Онъ не могъ означить именно сколько времени спалъ, но чувствовалъ, что сонъ его былъ сномъ болѣзненнымъ. Опомнясь, онъ провелъ рукой по лицу, какъ будто снимая съ себя сонъ и ночныя видѣнія. Но когда онъ хотѣлъ ступить на полъ, то почувствовалъ, что какъ будто все тѣло его было разбито, и истомленные члены отказывались повиноваться. Голова его болѣла и кружилась, и все тѣло обдавало то мелкою дрожью, то пламенемъ. вмѣстѣ съ сознаниемъ воротилась и память, и сердце его дрогнуло, когда въ одинъ мигъ пережилъ онъ воспоминаніемъ всю прошлую ночь. Сердце его такъ сильно билось въ отвѣтъ на его раздумье, такъ горячи, свѣжи были его ощущенія, что какъ будто не ночь, не долгіе ча-

сы, а одна минута прошла по уходѣ Катерины. Онъ чувствовалъ, что глаза его еще не обсохли отъ слезъ — или новыя, свѣжія слезы брызнули какъ родникъ изъ горячей души его? И, чудное дѣло! ему даже сладостны были муки его, хотя онъ глухо слышалъ всѣмъ составомъ своимъ, что не вынесетъ болѣе такого насилія. Была минута, когда онъ почти чувствовалъ смерть и готовъ былъ встрѣтить ее, какъ свѣтлую гостью: такъ напряглись его впечатлѣнія, такимъ могучимъ порывомъ закипѣла по пробужденіи вновь его страсть, такимъ восторгомъ обдало душу его, что жизнь ускоренная напряженною дѣятельностью, казалось, готова была перерваться, разрушиться, истлѣть въ одинъ мигъ и угаснуть на вѣки. Почти въ эту жъ минуту, какъ бы въ отвѣтъ на тоску его, въ отвѣтъ его задрожавшему сердцу, зазвучалъ знакомый — какъ та внутренняя музыка, знакомая душѣ человѣка въ часъ радости о жизни своей, въ часъ безмятежнаго счастья — густой, серебряный голосъ Катерины. Близко, возлѣ, почти надъ изголовьемъ его, началась пѣсня, сначала тихо и заунывно... Голосъ то возвышался, то опадалъ, судорожно замирая, словно тая про себя и нѣжно лелѣя свою же мятежную муку ненасытимаго, сдавленнаго желанія, безвыходно затаеннаго въ тоскующемъ сердцѣ; то снова разливался соловьиною трелью и весь дрожа, пламенѣя уже несдержимою страстію, разливался въ цѣлое море восторговъ, въ море могучихъ, безпредѣльныхъ, какъ первый мигъ блаженства любви, звуковъ. Ординовъ отличалъ и слова: они были просты, задушевные, сложенные давно, прямымъ, спокойнымъ, чистымъ и яснымъ самому себѣ чувствомъ. Но онъ забывалъ ихъ, онъ слышалъ лишь одни звуки. Сквозь простой, наивный складъ пѣсни, ему сверкали другія слова,

гремѣвшія всѣмъ стремленіемъ, которое наполняло его же грудь, давшія откликъ сокровеннѣйшимъ, ему же невѣдомымъ, изгибамъ страсти его, прозвучавшимъ ему же ясно, цѣлымъ сознаниемъ, о ней. И то слышался ему послѣдній стонъ безвыходно замершаго въ страсти сердца, то радость воли и духа, разбившаго цѣпи свои и устремившагося свѣтло и свободно въ неисходное море невозбранной любви; то слышалась первая клятва любовницы съ благоуханнымъ стыдомъ за первую краску въ лицѣ, съ моленіями, со слезами, съ таинственнымъ, робкимъ шопотомъ; то желаніе вакханки, гордое и радостное силой своей, безъ покрова, безъ тайны, съ сверкающимъ смѣхомъ обводящее кругомъ опьянѣвшія очи....

Ордыновъ не выдержалъ окончанія пѣсни и всталъ съ постели. Пѣсня тотчасъ затихла.

— Доброе утро съ добрымъ днемъ прошли, мой желанный! зазвучалъ голосъ Катерины: добрый вечеръ тебѣ! Встань, прійди къ намъ, пробудись на свѣтлую радость; ждемъ тебя я да хозяинъ, люди все добрые, твоей волѣ покорные; загаси любовью ненависть, коли все еще сердце обидой болитъ. Скажи слово ласковое!...

Ордыновъ уже вышелъ изъ комнаты на первый окликъ ея, и едва понялъ онъ, что входитъ къ хозяевамъ. Передъ нимъ отворилась дверь, и ясна какъ солнце, заблестѣла ему золотая улыбка чудной его хозяйки. Въ этотъ мигъ онъ не видалъ, не слышалъ никого, кромѣ ея. Мгновенно вся жизнь, вся радость его слились въ одно въ его сердцѣ — въ свѣтлый образъ его Катерины.

— Двѣ зари прошло, сказала она, подавая ему свои руки:—какъ мы попрощались съ тобой; вторая гаснетъ теперь, посмотри въ окно. Словно двѣ зари души красной дѣвицы, промолвила смѣ-

ясь Катерина: — одна что первымъ стыдомъ лицо разрумянитъ, какъ впервинки скажется въ груди одинокое дѣвичье сердце, а другая, какъ забудеть первый стыдъ красная дѣвица, горитъ словно пылемею, давить дѣвичью грудь и гонить въ лицо румяную кровь.... Ступай, ступай въ нашъ домъ, добрый молодецъ! Что стоишь на порогѣ? Честь тебѣ да любовь, да поклонъ отъ хозяина!

Съ звонкимъ, какъ музыка, смѣхомъ взяла она руку Ордынова и ввела его въ комнату. Робость вошла въ его сердце. Все пламя, весь пожаръ, пламенѣвшій въ груди его, словно истлѣли и угасли въ одинъ мигъ и на одинъ мигъ; онъ съ смущеніемъ опустилъ глаза и боялся смотрѣть на нее. Онъ чувствовалъ, что она такъ чудно прекрасна, что не сносить его сердцу знойнаго ея взгляда. Никогда еще онъ не видалъ такъ своей Катерины. Смѣхъ и веселье въ первый разъ засверкали въ лицѣ ея и изсушили грустныя слезы на ея черныхъ рѣсницахъ. Его рука дрожала въ ея рукѣ. И еслибъ онъ поднялъ глаза, то увидѣлъ бы, что Катерина съ торжествующей улыбкой приковала свѣтлыя очи къ лицу его, отуманенному смущеніемъ и страстью.

— Встань же, старый! сказала она наконецъ, какъ будто сама только опомнившись:—скажи гостю слово привѣтливое. Гость, что братъ родной! Встань же, непоклонный, спѣсивый старинушка, встань, поклонись, гостя за бѣлыя руки возьми, посади за столъ!

Ордыновъ поднялъ глаза и какъ будто теперь лишь опомнился. Онъ теперь только подумалъ о Муринѣ. Глаза старика, словно потухавшіе въ предсмертной тоскѣ, смотрѣли на него неподвижно; и съ болью въ душѣ вспомнилъ онъ этотъ взглядъ, сверкнувшій ему въ послѣдній разъ изъ-

подъ нависшихъ черныхъ, сжатыхъ, какъ и теперь, тоскою и гнѣвомъ бровей. Голова его слегка закружилась. Онъ оглядѣлся кругомъ и теперь только сообразилъ все ясно, отчетливо. Муринъ все еще лежалъ на постели, но онъ былъ почти одѣтъ и какъ будто уже вставалъ и выходилъ въ это утро. Шея была обвязана, какъ и прежде, краснымъ платкомъ, на ногахъ были туфли. Болѣзнь очевидно прошла, только лицо все еще было страшно блѣдно и желто. Катерина стояла возлѣ постели, опершись рукою на столъ, и внимательно смотрѣла на обоихъ. Но привѣтливая улыбка не сходила съ лица ея. Казалось, все дѣлалось по ея мановенію.

— Да! это ты, сказалъ Муринъ, приподымаясь и сядя на постели.—Ты мой жилецъ. Виновать я передъ тобою, баринъ, согрѣшилъ и обидѣлъ тебя незнамо - невѣдомо, пошалилъ намеренно съ ружьемъ. Кто жъ те зналъ, что на тебя тоже находитъ черная немочь? А со мною случается, прибавилъ онъ хриплымъ, болѣзненнымъ голосомъ, хмуря брови свои и невольно отводя глаза отъ Ордынова. — Бѣда идетъ, не стучить въ ворота, какъ воръ подползетъ! Я и ей чуть ножа ономнясь въ грудь не всадилъ... примолвилъ онъ, кивнувъ головой на Катерину.—Боленъ я, припадокъ находить, ну, и довольно съ тебя! Садись — будешь гость!

Ордыновъ все еще пристально смотрѣлъ на него.

— Садись же, садись! крикнулъ старикъ въ нетерпѣніи:—садись, коли ей это любо! Ишь вы побратались, единоутробные! Слюбались словно любовники!

Ордыновъ сѣлъ.

— Видишь, сестрица какая, продолжалъ старикъ, засмѣявшись и показавъ два ряда своихъ

бѣлыхъ, цѣлыхъ до одинаго зубовъ. — Милуйтесь, родные мои! Хороша ль у тебя сестрица, баринъ? скажи, отвѣчай! На, смотри-ка, какъ щеки ея по-лымемъ пышатъ. Да оглянись же, почествуй все-му свѣту красавицу! Покажи, что болить по ней ретивое!

Ордынѡвъ нахмурилъ брови и злобно посмо-трѣлъ на старика. Тотъ вздрогнулъ отъ его взгля-да. Слѣпое бѣшенство закипѣло въ груди Орды-нова. Онъ какимъ-то животнымъ инстинктомъ чу-ялъ близъ себя врага на смерть. Онъ самъ не могъ понять, что съ нимъ дѣлается, разсудокъ отказы-вался служить ему.

— Не смотри! раздался голосъ сзади его. Ор-дынѡвъ оглянулся.

— Не смотри же, не смотри, говорю, коли бѣсъ наущаетъ, пожалѣй свою любу, говорила смѣясь Катерина, и вдругъ сзади закрыла рукою глаза его; потомъ тотчасъ же отняла свои руки и за-крылась сама. Но краска лица, какъ будто про-бивалась сквозь ея пальцы. Она отняла руки, и вся горя какъ огонь попробовала свѣтло и не-трепетно встрѣтить ихъ смѣхъ и любопытные взгляды. Но оба молча глядѣли на нее — Орды-новъ съ какимъ-то изумленіемъ любви, какъ будто въ первый разъ такая страшная красота пронзила сердце его; старикъ внимательно, холодно. Ничего не выражалось на его блѣдномъ лицѣ; только гу-бы синѣли и слегка трепетали.

Катерина подошла къ столу уже не смѣясь бо-лѣе, и стала убирать книги, бумаги, чернилицу, все, что было на столѣ, и сложила все на окно. Она дышала скоро, прерывисто, и по временамъ жадно впивала въ себя воздухъ, какъ будто ей сердце тѣснило. Тяжело, словно волна прибреж-ная, опускалась и вновь подымалась ея полная

грудь. Она потупила глаза, и черныя, смолистыя рѣсницы, какъ острыя иглы, заблестали на свѣтлыхъ щекахъ ея...

— Царь-дѣвица! сказалъ старикъ.

— Владычица моя! прошепталъ Ордынцовъ, дрогнувъ всѣмъ тѣломъ. Онъ опомнился, слышавъ на себѣ взглядъ старика: какъ молнія сверкнулъ этотъ взглядъ на мгновеніе — жадный, злой, холодно-презрительный. Ордынцовъ привсталъ было съ мѣста, но какъ будто невидимая сила сковала ему ноги. Онъ снова усѣлся. Порой онъ сжималъ свою руку, какъ будто недовѣряя дѣйствительности. Ему казалось, что кошмаръ его душитъ, и что на глазахъ его все еще лежитъ страдальческій, болѣзненный сонъ. Но, чудное дѣло! ему не хотѣлось проснуться...

Катерина сияла со стола старый коверъ, потомъ открыла сундукъ, вынула изъ него драгоцѣнную скатерть, всю расшитую яркими шелками и золотомъ, и накрыла ею столъ; потомъ вынула изъ шкафа старинный, прадѣдовскій, весь серебряный поставецъ, поставила его на средину стола и отдѣлила отъ него три серебряныя чарки — хозяину, гостю и чару себѣ; потомъ важнымъ, почти задумчивымъ взглядомъ посмотрѣла на старика и на гостя.

— Кто жъ изъ насъ кому любъ или не любъ? сказала она: — кто не любъ кому, тотъ мнѣ любъ и со мной будетъ пить свою чару. А мнѣ всякъ изъ васъ любъ, всякъ родной: такъ пить всѣмъ на любовь и согласье!

— Пить, да черную думу въ винѣ топить! сказалъ старикъ измѣнившимся голосомъ. — Наливай, Катерина!

— А ты велишь наливать? спросила Катерина, смотря на Ордынова.

Ордыновъ молча подвинулъ свою чарку.

— Стой! У кого какая загадка и думушка, пусть по его же хотѣнью и сбудется! сказалъ старикъ, поднявъ свою чару.

Всѣ стукнули чарками и выпили.

— Давай же мы теперь выпьемъ съ тобой, старина! сказала Катерина, обращаясь къ хозяину:— выпьемъ, коли ласково твое сердце ко мнѣ! выпьемъ за прожитое счастье, ударимъ поклонъ прожитымъ годамъ, сердцемъ за счастье, да любовью поклонимся! Вели жъ наливать, коли горячо твое сердце ко мнѣ!

— Винцо твое крѣпко, голубица моя, а сама только губки помочишь! сказалъ старикъ, смѣясь и подставляя вновь свою чару.

— Ну, я отхлебну, а ты пей до дна!... Что жить, старинушка, тяжелую думу за собой волочить; а только сердце ноетъ съ думы тяжелой! Думушка съ горя идетъ, думушка горе зоветъ, а при счастья живется безъ думушки! Пей, старина! Утопи свою думушку!

— Много жъ, знать, горя у тебя накипѣло, коли такъ на него ополчаешься! Знать, разомъ хочешь покончить, бѣлая голубка моя. Пью съ тобой, Катя! А у тебя есть ли горе, баринъ, коль позволишь спросить?

— Что есть, то есть про себя, прошепталь Ордыновъ, не сводя глазъ съ Катерины.

— Слышалъ, старинушка? Я и сама себя долго не знала, не помнила, а пришло время, все спознала и вспомнила; все, что прошло, ненасытной душой опять прожила.

— Да, горько, коль на бываломъ одномъ пробиваться начнешь, сказалъ старикъ задумчиво. — Что прошло, какъ вино пропито! Что въ прошломъ счастья? Кафтанъ износилъ, и долой...

— Новый надо! подхватила Катерина, засмѣявшись съ натуги, тогда какъ двѣ крупныя слезинки повисли какъ алмазы на сверкнувшихъ рѣсницахъ. — Знать, вѣку минутой одной не прожить, да и дѣвичье сердце живуче, не угоняешься въ ладъ! Спознать, старина? Смотри, я въ твоей чарѣ слезинку мою схоронила!

— А за много-ль счастья ты свое горе купила? сказала Ордыновъ, и голосъ его задрожалъ отъ волненія.

— Знать, у тебя, баринъ, своего много продажнаго! отвѣчалъ старикъ: — что суешься непрошенный. И онъ злобно и неслышно захохоталъ, нагло смотря на Ордынова.

— А за что продала, то и было, отвѣчала Катерина, какъ будто недовольнымъ, обиженнымъ голосомъ. — Одному кажется много, другому мало. Одинъ все отдать хочетъ, взять нѣчего, другой ничего не сулитъ, да за нимъ идетъ сердце послушное! А ты не кори человѣка, примолвила она, грустно смотря на Ордынова:—одинъ такой человѣкъ, другой не тотъ человѣкъ, а будто знаешь, зачѣмъ къ кому душа проснется! Наливай же свою чару, старикъ! Выпей за счастье твоей дочки, любезной, рабыни твоей тихой, покорной, какъ впервинки была, какъ съ тобой спознавалась. Подымай свою чару!

— Инъ быть такъ! Наливай же свою! сказалъ старикъ, взявъ вино.

— Стой, старина! подожди пить, дай прежде слово сказать!..

Катерина облокотилась руками на столъ и пристально, разгорѣвшимся, страстными очами смотрѣла въ глаза старику. Какая-то странная рѣшимость сіяла въ глазахъ ея. Но всѣ движенія ея были спокойны, жесты отрывисты, неожиданны,

скоры. Она была вся словно въ огнѣ, и чудно дѣлалось это. Но какъ будто красота ея росла вмѣстѣ съ волненіемъ, съ одушевленіемъ ея. Изъ полуоткрытыхъ улыбкою губъ, выказывавшихъ два ряда бѣлыхъ, ровныхъ какъ жемчугъ зубовъ, вылетало порывистое дыханіе, слегка приподымая ея ноздри. Грудь волновалась; коса, три разъ обернутая на затылкѣ, небрежно слегка упала на лѣвое ухо и прикрыла часть горячей щеки. Легкій потъ пробивался у ней на вискахъ.

— Загадай, старина! Загадай мнѣ, родимый мой, загадай прежде, чѣмъ умъ пропъешь; вотъ тебѣ ладонь моя бѣлая? Вѣдь не даромъ тебя у насъ колдуномъ люди прозвали. Ты же по книгамъ учился и всякую черную грамоту знаешь! Погляди же старинушка, расскажи мнѣ всю долю мою горемычную; только смотри, не солги! Ну, скажи какъ самъ знаешь—будетъ ли счастье дочкѣ твоей, иль не простишь ты ее и накличешь ей на дорогу одну злую долю кручинушку? Скажи, тепель ли будетъ мой уголь, гдѣ обживусь, иль, какъ пташка перелетная, весь вѣкъ спротинушкой буду межъ добрыхъ людей своего мѣста искать? Скажи, кто мнѣ недругъ, кто любовь мнѣ готовить, кто зло про меня замышляетъ? Скажи, въ одиночку-ль моему сердцу, молодому, горячему, вѣкъ прожить и до вѣка заглухнуть, иль найдетъ оно ровню себѣ, да въ лады съ нимъ на радость забьется., до поваго горя! Угадай ужъ за одинъ разъ, старинушка, въ какомъ синемъ небѣ, за какими морями-лѣсами соколъ мой ясный живетъ, гдѣ, да и зорко-ль себѣ соколицу высматриваетъ, да и любовно-ль онъ ждетъ, крѣпко-ль полюбитъ, скоро-ль разлюбитъ, обманетъ, иль не обманетъ меня? Да ужъ за-разъ, все одно къ одному, скажи мнѣ въ послѣдній, старинушка, долго-ль намъ съ тобой вѣкъ

коротать, въ углу черствомъ сидѣть, черныя книги читать; да когда мнѣ тебѣ, старина, низко кланяться, по добру по здорову прощаться; за хлѣбъ-соль благодарить, что поилъ, кормилъ, сказки сказывалъ?.. Да смотри же, всю правду скажи, не солги; пришло время, стой за себя!

Одушевленіе ея росло все болѣе и болѣе до послѣдняго слова, какъ вдругъ ея голосъ пресѣкся отъ волненія, будто какой-то вихрь увлекалъ ея сердце. Глаза ея сверкнули и верхняя губа слегка задрожала. Слышно было, какъ злая насмѣшка змѣвилась и пряталась въ каждомъ словѣ ея, но какъ будто плачь звенѣлъ въ ея смѣхѣ. Она наклонилась черезъ столъ къ старику, и пристально, съ жаднымъ вниманіемъ, смотрѣла въ помутившіеся глаза его. Ордынцовъ слышалъ, какъ вдругъ застучало ея сердце, когда она кончила; онъ вскрикнулъ отъ восторга, когда взглянулъ на нее, и привсталъ было со скамьи. Но бѣглый, мгновенный взглядъ старика опять приковалъ его къ мѣсту. Какая-то странная смѣсь презрѣнья, насмѣшки, нетерпѣливаго, досаднаго безпокойства и вмѣстѣ съ тѣмъ злаго, лукаваго любопытства свѣтились въ этомъ бѣгломъ, мгновенномъ взглядѣ, отъ котораго каждый разъ вздрагивалъ Ордынцовъ, и который каждый разъ наполнялъ его сердце жолчью, досадой и бессильною злобой.

Задумчиво и съ какимъ-то грустнымъ любопытствомъ смотрѣлъ старикъ на свою Катерину. Сердце его было уязвлено, слова были сказаны. Но даже бровь не шевельнулась въ лицѣ его! Онъ только улыбнулся, когда она кончила.

— Много-жь ты разомъ хотѣла узнать, птенчикъ мой оперившійся, пташка моя встрепенувшаяся! Наливай же мнѣ скорѣе чару глубокую; выпьемъ сначала на размирье, да на добрую волю;

не то чѣмъ нибудь глазомъ чернымъ, нечистымъ мое пожеланіе испорчу. Бѣсъ силенъ! далеко-ль до грѣха!

Онъ поднялъ свою чару и выпилъ. Чѣмъ больше пилъ онъ вина, тѣмъ становился блѣднѣе. Глаза его стали красны, какъ угли. Видно было, что лихорадочный блескъ ихъ и внезапная, мертвенная синева лица предвѣщала скоро новый припадокъ болѣзни. Вино-жь было крѣпкое, такъ что съ одной выпитой чарки все болѣе и болѣе мутились глаза Ордынова. Лихорадочно воспаленная кровь его не могла долѣе выдержать: она заливала его сердце, мутила и путала разумъ. Безпокойство его росло все сильнѣе и сильнѣе. Онъ налилъ и отхлебнулъ еще, самъ не зная, что дѣлаетъ чѣмъ помочь возраставшему волненію своему, и кровь еще быстрѣе полетѣла по его жиламъ. Онъ былъ какъ въ бреду, и едва могъ слѣдить, напрягая все вниманіе, за тѣмъ, что происходило между странныхъ хозяевъ его.

Старикъ звонко стукнулъ серебряной чаркой объ столъ.

— Наливай, Катерина! вскричалъ онъ:—наливай еще, злая дочка, наливай до упаду! Уложи старика на покой, да и полно съ него! Вотъ такъ, наливай еще, наливай мнѣ, красавица! Выпьемъ съ тобой! Что жъ ты мало пилъ? Али я не видалъ...

Катерина что-то отвѣчала ему, но Ордыновъ не слышалъ что именно: старикъ не далъ ей кончить; онъ схватилъ ее за руку, какъ-бы не въ силахъ болѣе сдержать всего, что тѣснилось въ груди его. Лицо его было блѣдно; глаза то мутились: то вспыхивали яркимъ огнемъ: побѣлѣвшія губы дрожали, и неровнымъ, смятеннымъ голосомъ, въ которомъ сверкала мнутами какой-то странный восторгъ, онъ сказалъ ей:

— Давай ручку, красавица! давай загадаю, всю правду скажу. Я и впрямь колдунъ; знать, не ошиблась ты, Катерина! знать, правду сказало сердечко твое золотое, что одинъ я ему колдунъ, и правды не потаю отъ него простаго, нехитраго! Да одного не спознала ты: не мнѣ колдуну, тебя учить уму-разуму! Разумъ не воля для дѣвицы и слышитъ всю правду, да словно не знала, не вѣдала! У самой голова—змѣя хитрая, хоть и сердце слезой обливается! Сама путь найдетъ, межъ бѣдой ползкомъ проползетъ, сбережетъ волю хитрую! Гдѣ умомъ возьметъ, а гдѣ умомъ не возьметъ, красой затуманить, чернымъ глазомъ умъ опьянить, — краса силу ломить; и желѣзное сердце, да по-поламъ распяется! Ужь и будетъ ли у тебя печаль со кручинушкой? Тяжела печаль человѣческая! Да на слабое сердце не бываетъ бѣды! Бѣда съ крѣпкимъ сердцемъ знакомится, въ тихомолку кровавой слезой отливается, да на сладкій позоръ къ добрымъ людямъ не просится: твое жь горе, дѣвица, словно слѣдъ на пескѣ, дождемъ вымоетъ, солнцемъ высушитъ, буйнымъ вѣтромъ снесетъ, замететь!—Пусть и еще скажу, поколдую: кто полюбить тебя, тому ты въ рабыни пойдешь, сама волюшку свяжешь, въ закладъ отдашь, да ужь и назадъ не возьмешь; въ пору во время разлюбить не съумѣешь; положишь зерно, а губитель твой возьметъ назадъ цѣлымъ колосомъ! Дитя мое нѣжное, золотая головушка, схоронила ты въ чаркѣ моей свою слезинку-жемчужинку, да по ней не стерпѣла, тутъ же сто пролила, словцо красное потеряла, да горемъ-головушкой своей похвалилася! Да по ней, по слезинкѣ, небесной росинкѣ, тебѣ и тужить-горевать не приходится! Отольется она тебѣ съ лихвою, твоя слезинка жемчужная, въ долгую ночь, въ горемычную ночь, когда станетъ грызть

тебя злая кручинушка, нечистая думушка—тогда на твое сердце горячее, все за ту же слезинку капнет тебѣ чья-то иная слеза, да кровавая, да не теплая, а словно топлёный свинець; до крови бѣлу грудь разожжетъ, и до утра, тоскливаго, хмураго, что приходитъ въ ненастные дни, ты въ постелькѣ своемъ прометаешься, алу кровь точа, и не залечишь своей раны свѣжей до другаго утра! Налей еще, Катерина, налей, голубица моя, налей мнѣ за мудрый совѣтъ; а дальше, знать, словъ терять нечего...

Голосъ его ослабѣлъ и задрожалъ: казалось, рыданіе готово было прорваться изъ груди его... Онъ налилъ вина и жадно выпилъ новую чару; потомъ снова стукнулъ чаркой объ столъ. Мутный взглядъ его еще разъ вспыхнулъ пламенемъ.

— А! живи какъ живется! вскричалъ онъ: — что прошло то ужъ съ плечъ долой! Наливай мнѣ, еще наливай, все подноси тяжелую чару, чтобы рѣзала головушку буйную съ плечъ, чтобъ вся душа отъ нея замертвѣла! Уложи на долгую ночь, да безъ утра, да чтобъ память совсѣмъ отошла. Что пропито, то прожито! Знать, заглохъ у купца товаръ, залежался, даромъ съ рукъ отдаетъ! А не продалъ бы своей волей-вольною его тотъ купецъ ниже своей цѣны; отлилась бы и вражья кровь, пролилась бы и кровь неповинная, да въ придачу положилъ бы тотъ покупатель свою погибшую душеньку! Наливай, наливай мнѣ еще, Катерина!..

Но рука его державшая чару какъ-будто замерла и не двигалась; онъ дышалъ тяжело и трудно, голова его невольно склонилась. Въ послѣдній разъ онъ вперилъ тусклый взглядъ на Ордынова, но и этотъ взглядъ потухъ наконецъ, и вѣки его упали, словно свинцовыя. Смертная блѣдность разлилась по лицу его... Еще нѣсколько времени губы его

шевселились и вздрагивали, какъ-бы силясь еще что-то промолвить—и вдругъ слеза, горячая, крупная, нависла съ рѣсницъ его, порвалась и медленно покатила по блѣдной щекѣ... Ордынцовъ былъ не въ силахъ выдержать болѣе. Онъ всталъ и пошатнувшись ступидъ шагъ впередъ, подошелъ къ Катеринѣ и схватилъ ее за руку; но она и не взглянула на него, какъ будто его не примѣтила, какъ-будто не признала его...

Она какъ-будто тоже теряла сознание, какъ-будто одна мысль, одна неподвижная идея увлекла ее всю. Она припала къ груди сиящаго старика, обвила своей бѣлой рукой его шею, и пристально, словно приковалась къ нему, смотрѣла на него огненнымъ, воспаленнымъ взглядомъ. Она будто не слыхала, какъ Ордынцовъ взялъ ее за руку. Наконецъ, она повернула къ нему свою голову и посмотрѣла на него долгимъ, пронзающимъ взглядомъ. Казалось, что она поняла наконецъ его, и тяжелая, удивленная улыбка тягостно, какъ-будто съ болью выдавилась на губахъ ея...

— Поди, поди прочь, прошептала она: — ты пьяный и злой! Ты не гость мнѣ!.. Тутъ она снова обратилась къ старику и опять приковалась къ нему своими очами.

Она какъ будто стерегла каждое дыханіе его и взглядомъ своимъ лелѣяла его сонъ. Она какъ-будто боялась самадохнуть, сдерживая вскипѣвшее сердце. И столько изступленнаго любованія было въ сердцѣ ея, что разомъ отчаяніе, бѣшенство и неистощимая злоба захватили духъ Ордынова...

— Катерина! Катерина! звалъ онъ, сжимая какъ въ тискахъ ея руку.

Чувство боли прошло по лицу ея; она опять подняла свою голову и посмотрѣла на него съ

такую насмѣшкой, такъ презрительно-нагло, что онъ едва устоялъ на ногахъ. Потомъ она указала ему на спящаго старика и — какъ будто вся насмѣшка врага его перешла ей въ глаза—терзающимъ, леденящимъ взглядомъ опять взглянула на Ордынова.

— Что? зарѣжетъ, не бойсь? проговорилъ Ордыновъ, не помня себя отъ бѣшенства.

Словно демонъ его шеннулъ ему на ухо, что онъ ее понялъ... И все сердце его засмѣялось на неподвижную мысль Катерины...

— Куплю жъ я тебя, красота моя, у купца твоего, коль тебѣ души моей надобно! Не бойсь, не зарѣзать ему!..

Неподвижный смѣхъ, мертвившій все существо Ордынова, не сходилъ съ лица Катерины. Неистощимая насмѣшка разорвала на части его сердце. Не помня, почти не сознавая себя, онъ облокотился рукою объ стѣну и снялъ съ гвоздя дорогой, старинный ножъ старика. Какъ будто изумленіе отразилось на лицѣ Катерины; но какъ-будто въ то же время злость и презрѣніе впервые съ такой силой отразились въ глазахъ ея. Ордынову дурно становилось смотря на нее... Онъ чувствовалъ, что какъ-будто кто-то вырываетъ, подмываетъ потерявшуюся руку его на безумство; онъ вынулъ ножъ... Катерина неподвижно, словно не дыша болѣе, слѣдила за нимъ...

Онъ взглянулъ на старика...

Въ эту минуту ему показалось, что одинъ глазъ старика медленно открывался и смѣясь смотрѣлъ на него. Глаза ихъ встрѣтились. Нѣсколько минутъ Ордыновъ смотрѣлъ на него неподвижно... Вдругъ ему показалось, что все лицо старика засмѣялось и что дьявольскій, убивающій, леденящій хохотъ раздался наконецъ по комнатѣ. Безобраз-

ная, черная мысль какъ змѣя проползла въ головѣ его. Онъ задрожалъ; ножъ выпалъ изъ рукъ его и зазвенѣлъ на полу. Катерина вскрикнула, какъ-будто очнувшись отъ забытья, отъ кошмара, отъ тяжелаго, неподвижнаго видѣнья... Старикъ, блѣдный, медленно поднялся съ постели и злобно оттолкнулъ ногой ножъ въ уголъ комнаты. Катерина стояла блѣдная, помертвѣлая, неподвижная; глаза ея закрывались; глухая, невыносимая боль судорожно выдавилась на лицѣ ея; она закрылась руками и съ крикомъ, раздирающимъ душу, почти бездыханная упала къ ногамъ старика...

— Алеша! Алеша! вырвалось изъ стѣсенной груди ея...

Старикъ обхватилъ ее могучими руками и почти сдавилъ на груди своей. Но когда она спрятала у сердца его свою голову, такимъ обнаженнымъ, безстыднымъ смѣхомъ засмѣялась каждая черточка на лицѣ старика, что ужасомъ обдало весь составъ Ордынова. Обманъ, расчетъ, холодное, ревнивое тиранство и ужасъ надъ бѣднымъ, разорваннымъ сердцемъ — вотъ что понялъ онъ въ этомъ безстыдно-петаившемся болѣе смѣхѣ...

III.

Когда Ордыновъ, блѣдный, встревоженный, еще неопомнившійся отъ вчерашней тревоги, отворилъ на другой день, часовъ въ восемь утра, дверь къ Ярославу Ильичу, къ которому пришелъ впрочемъ, самъ не зная зачѣмъ, то отшатнулся отъ изумленія и какъ вкопанный сталъ на порогѣ, увидя въ комнатѣ—Мурина. Старикъ былъ еще блѣднѣе Ордынова и, казалось, едва стоялъ на ногахъ отъ болѣзни; впрочемъ сѣсть не хотѣлъ, не смотря ни

на какія приглашенія вполне-счастливаго такимъ посѣщеніемъ Ярослава Ильича. Ярославъ Ильичъ тоже вскрикнулъ, завидѣвъ Ордынова, но почти въ ту же минуту радость его прошла, и какое-то замѣшательство застигло его вдругъ, совершенно врасплохъ, на полдорогѣ отъ стола къ сосѣднему стулу. Очевидно было, что онъ не зналъ что сказать, что сдѣлать, и вполне сознавалъ всю неприличность — сосать въ такую хлопотливую минуту, оставивъ гостя въ сторонѣ, одного какъ онъ есть, свой чубучокъ, а между-тѣмъ (такъ сильно было смущеніе его) все-таки тянулъ изъ чубучка что было силы и даже почти съ нѣкоторымъ вдохновеніемъ. Ордыновъ вошелъ наконецъ въ комнату. Онъ бросилъ бѣглый взглядъ на Мурина. Что-то похожее на вчерашнюю злую улыбку, отъ которой и теперь бросило въ дрожь и въ негодование Ордынова, проскользнуло по лицу старика. Впрочемъ, все враждебное тотчасъ же скрылось и сгладилось, и выраженіе лица его приняло видъ самый неприступный и замкнутый. Онъ отвѣсилъ пренизкій поклонъ жильцу своему... Вся эта сцена воскресила наконецъ сознаніе Ордынова. Онъ пристально посмотрѣлъ на Ярослава Ильича, желая вникнуть въ положеніе дѣла. Ярославъ Ильичъ затрепеталъ и замялся.

— Войдите жъ, войдите, примолвилъ онъ наконецъ: — войдите, драгоцѣннѣйшій Василій Михайловичъ, осѣните прибытіемъ и положите печать... на всѣ эти обыкновенные предметы... проговорилъ Ярославъ Ильичъ, показавъ рукой въ одинъ уголъ комнаты, покраснѣвъ какъ махровая роза, сбившись, запутавшись въ сердцахъ на то, что самая благородная фраза завязла и лопнула даромъ, и съ громомъ подвинулъ стулъ на самую средину комнаты.

— Я вамъ не мѣшаю, Ярославъ Ильичъ, я хотѣлъ... на двѣ минуты.

— Помилуйте! возможно ли вамъ мнѣ помѣшать-съ... Василій Михайловичъ! Но — позвольте чайку-съ! Эй! служба!.. Я увѣренъ, что и вы не откажетесь еще одну чашечку!

Муринъ кивнулъ головою, давъ знать такимъ образомъ, что совсѣмъ не откажется.

Ярославъ Ильичъ закричалъ на вошедшую службу и наистрожайшимъ образомъ потребовалъ еще три стакана, за тѣмъ сѣлъ возлѣ Ордынова. Нѣсколько времени онъ вертѣлъ свою голову, какъ гипсовый котенокъ, то вправо, то влево отъ Мурина къ Ордынову и отъ Ордынова къ Мурину. Положеніе его было весьма непріятное. Ему очевидно что-то хотѣлось сказать, по идеямъ его весьма щекотливое, по крайней мѣрѣ для одной стороны. Но при всѣхъ усиліяхъ своихъ, онъ рѣшительно не могъ вымолвить слова... Ордыновъ тоже какъ будто находился въ недоумѣніи. Была минута, когда оба они разомъ вдругъ принялись говорить... Молчаливый Муринъ, наблюдавшій ихъ съ любопытствомъ, медленно расправилъ ротъ и показалъ зубы свои всѣ до единого...

— Я пришелъ объявить вамъ, вдругъ началъ Ордыновъ: — что по самому непріятному случаю принужденъ оставить квартиру, и...

— Представьте себѣ, какой странный случай! перебилъ вдругъ Ярославъ Ильичъ. — Я, признаюсь, былъ внѣ себя отъ изумленія, когда этотъ почтенный старикъ объявилъ мнѣ сегодня поутру ваше рѣшеніе. Но...

— Онъ объявилъ вамъ? спросилъ съ изумленіемъ Ордыновъ, смотря на Мурина.

Муринъ погладилъ свою бороду и засмѣялся въ рукавъ.

— Да-съ подхватилъ Ярославъ Ильичъ:—впрочемъ, я могу еще ошибаться. Но, смѣло скажу, для васъ—честью моею могу вамъ ручаться, что для васъ въ словахъ этого почтеннаго старика не было ни тѣни обиднаго!..

Тутъ Ярославъ Ильичъ покраснѣлъ и черезъ силу подавилъ свое волненіе. Муринъ, какъ будто натѣшась наконецъ вдоволь замѣшательствомъ хозяина и гостя, ступилъ шагъ впередъ.

— Я вотъ про то, ваше благородіе, началъ онъ, съ вѣжливостію поклонившись Ордынову: — ихъ благородіе на вашъ счетъ маленько утрудитъ посмѣлъ. Оно того, сударь, выходитъ—сами знаете—я и хозяйка, т. е. рады бы душою и волею, и слова бы сказать не посмѣли... да житье-то мое какое, сами знаете, сами видите, сударь! А право, только что животы Господь бережетъ, за то и молимъ святую волю его; а то сами видите, сударь, взвытъ мнѣ что ли приходится? Тутъ Муринъ опять утеръ рукавомъ свою бороду.

Ордынову почти дѣлалось дурно.

— Да, да, я вамъ самъ про него говорилъ: больной, т. е. это malheur... т. е. я было хотѣлъ выразиться по-французски, но извините, я по-французски не такъ свободно, т. е...

— Да-съ...

— Да-съ, то-есть...

Ордыновъ и Ярославъ Ильичъ сдѣлали другъ другу по полупоклону, каждый съ своего стула и нѣсколько на бокъ, и оба прикрыли возникшее недоумѣніе извинительнымъ смѣхомъ. Дѣловой Ярославъ Ильичъ тотчасъ поправился.

— Я, впрочемъ подробно спрашивалъ этого честнаго человѣка, началъ онъ: — онъ мнѣ говорилъ, что болѣзнь той женщины...

Тутъ щекотливый Ярославъ Ильичъ, вѣроятно,

желая скрыть маленькое недоумѣніе, опять возникшее на лицѣ его, быстро, вопросительнымъ взглядомъ устремился на Мурина.

— Да, хозяйки-то нашей...

Деликатный Ярославъ Ильичъ не настаивалъ.

— Хозяйки, т. е. бывшей хозяйки вашей, я какъ-то, право... ну, да! Она, видите ли, больная женщина. Онъ говоритъ, что она вамъ мѣшаетъ... въ вашихъ занятіяхъ, да и онъ самъ... вы отъ меня скрыли одно важное обстоятельство, Василий Михайловичъ!

— Какое?

— На счетъ ружья-съ, промолвилъ почти шопотомъ, самымъ снисходительнымъ голосомъ Ярославъ Ильичъ, съ одной мильонной долей упрека, нѣжно зазвенѣвшаго въ его дружескомъ тенорѣ.— Но, прибавилъ онъ поспѣшно:— я все знаю, онъ мнѣ все рассказалъ, и вы благородно сдѣлали, отпустивъ ему его невольную вину передъ вами. Клянусь, я видѣлъ слезы на глазахъ его!

Ярославъ Ильичъ снова покраснѣлъ; глаза его засіяли, и онъ съ чувствомъ повернулся на стулѣ.

— Я, т. е. мы, сударь, ваше благородіе, т. е. я, примѣромъ сказать, да и хозяйка моя ужъ и какъ за васъ Бога молимъ, началъ Муринъ, обращаясь къ Ордынову, покамѣстъ Ярославъ Ильичъ подавлялъ обычное волненіе свое, и пристально смотря на него: — да сами знаете, сударь, она баба хвораая, глупая: меня самого еле ноги носятъ...

— Да я готовъ, сказалъ въ нетерпѣннн Ордыновъ:—полноте, пожалуйста; я хоть сейчасъ!..

— Нѣтъ, т. е. сударь, многимъ вашей милости довольны (Муринъ пренизко поклонился). Я, сударь, вамъ не про то; я вотъ хотѣлъ слово вымолвить—вѣдь она, сударь, мнѣ-то почти изъ

родни, т. е. изъ дальней, примѣромъ, какъ говорится, седьмая вода, т. е. ужь не побрезгайте словомъ нашимъ, сударь, люди мы темные—да съ измалѣтства такая! Головенка больная, задорная, въ лѣсу росла, мужичкой росла все межъ бурлаковъ, да заводчиковъ; а тутъ ихъ домъ сгори; мать, сударь, ейная погори; отецъ свою душу опали—подика-сь, она и невѣсть что расскажетъ вамъ... Я только такъ не мѣшаюсь, а ее хи-хир-руг-гичкой совѣтъ на Москвѣ смотрѣлъ... т. е., сударь, совсѣмъ повредила, вотъ что! Я только у ней и остался, со мной и живетъ. Живемъ, Бога молимъ, на всевышнюю силу надѣмся; ужь я ей и не поперечу совсѣмъ...

Ордыновъ измѣнился въ лицѣ. Ярославъ Ильичъ смотрѣлъ то на того, то на другаго.

— Да я не про то, сударь... нѣтъ! поправился Муринъ, важно покачавъ головою: — она, примѣромъ сказать, такой вѣтеръ, вихорь такой, голова такая любовная, буйная, все милаго дружка, —если извинительно будетъ сказать — да зазнобушку въ сердце ей подавай: на томъ и помѣшана. Я ужь ее сказками улещаю, т. е. какъ улещаю. А я вѣдь, сударь, видѣлъ, какъ она — ужь простите, сударь, мое глупое слово, продолжалъ Муринъ, кланаясь и утирая рукавомъ бороду: — примѣрно, спознавалась-то съ вами; вы, т. е. примѣромъ сказать, ваше сіятельство, относительно любви къ ней польнуть пожелали...

Ярославъ Ильичъ вспыхнулъ и съ упрекомъ взглянулъ на Мурина. Ордыновъ едва усидѣлъ на стулѣ.

— Нѣтъ... т. е., я, сударь, не про то..., я, сударь, проста, мужикъ, я изъ вашей воли... конечно, мы люди темные, мы, сударь, ваши слуги, примолвилъ онъ, низко кланаясь:—а ужь какъ съ

женой про вашу милость Бога будемъ молить!.. Что намъ? Были бы сыты, здоровы, роптать не *роптаемъ*;—да мнѣ-то, сударь, что жь дѣлать, въ петлю лѣзть что ли? Сами знаете, сударь, дѣло житейское, насъ пожалѣйте, а это ужь что жь, сударь, будетъ, какъ еще съ полюбовникомъ!.. Грубое-то, сударь, вы слово простите... мужикъ, сударь, а вы баринъ... вы сударь, ваше сіятельство, человѣкъ молодой, гордый, горячій, а она, сударь, сами знаете, дитя малое, неразумное — долго ль съ ней до грѣха! Баба она ядреная, румяная, милая, а меня, старика все немочь беретъ. Ну, что? бѣсъ ужь, знать, вашу милость попуталъ! я ужь ее сказками все улещаю, право улещаю. А ужь какъ про вашу милость съ женой стали бы Бога молить! Т. е. вотъ какъ молить! Да и что вамъ, ваше сіятельство, хоть она бы и милая, а все жь мужичка она, баба немытая, поневница глупая, мнѣ мужику чета! Не вамъ, примѣрно, сударь, батюшка-баринъ, по мужичкамъ якшиться! А ужь какъ съ ней стали бы про вашу милость Бога молить, во какъ молить!..

Тутъ Муринъ поклонился низко-низко и долго не разгибалъ спины, непрерывно утирая рукавомъ бороду. Ярославъ Ильичъ не зналъ гдѣ стоялъ.

— Да-съ, этотъ добрый человѣкъ, замѣтилъ онъ весь замѣшавшись: — говорилъ мнѣ о какихъ-то существовавшихъ между вами безпорядкахъ-съ; я не осмѣливаюсь вѣрить, Василій Михайловичъ... Я слышалъ, вы все еще больны-съ, быстро перебилъ онъ со слезящимися отъ волненія глазами, въ неистощимомъ замѣшательствѣ смотря на Ордынова.

— Да-съ... Сколько я долженъ вамъ? быстро спросилъ Ордыновъ у Мурина.

— Что вы, батюшка-баринъ? полноте! мы вѣдь не хриstopродавцы какіе нибудь. Что вы, сударь, насъ обижаете! Постыдились бы, сударь; чѣмъ мы съ супружницей васъ обиждали? Помилуйте-сь!

— Но, однакожь, это странно, другъ мой; вѣдь они же у васъ нанимали; чувствуете ли вы, что отказомъ своимъ вы ихъ обижаете? вступился Ярославъ Ильичъ, долгомъ почитая показать Мурина всю странность и щекотливость его поступка.

— Да помилуйте жь, батюшка! что вы, сударь, баринъ? помилуйте-сь! ужь и чѣмъ мы не угодили про вашу честь? Ужь и такъ старались-старались, животы надорвали, помилуйте-сь! Полноте, сударь; полноте, свѣтъ-баринъ, Христось васъ помилуетъ! Что мы, невѣрные, что ли какіе? Пусть бы жилъ, купалъ бы у насъ наше яство мужицкое на здоровье, пусть бы лежалъ—ничего бъ не сказали, и... слова не молвили бъ; да нечистый попуталъ, хворый я человекъ, да и хозяйка моя хворая—что будешь дѣлать! Услужить-то бы некому было, а рады бы, душою бы рады были. А ужь какъ мы съ хозяйкой будемъ про вашу милость Бога молить, т. е. вó какъ молить!

Муринъ поклонился въ поясъ. Слеза выдавилась изъ восторженныхъ глазъ Ярослава Ильича. Съ энтузіазмомъ посмотрѣлъ онъ на Ордынова.

— Скажите, какая благородная черта-сь! Какое святое гостепріимство почло-сь на русскомъ народѣ-сь!

Ордыновъ дико взглянулъ на Ярослава Ильича. Онъ почти ужаснулся... и осматривалъ его съ головы до ногъ.

— А и право, сударь, гостепріимство, именно, чтимъ, т. е. вотъ какъ чтимъ, сударь! подхватилъ Муринъ, заслоня всѣмъ рукавомъ свою бороду:— право, вотъ теперь дума идетъ: погостили бъ вы

у насъ, сударь, ей-Богу бѣ, погостили, продолжалъ онъ, подступая къ Ордынову:— да и я, сударь, ничего; денекъ другой, ничего, право бѣ ничего не сказалъ. Да грѣхъ больно попуталъ, хозяйка-то ишь моя нездорова! Ахъ, ка-бы не хозяйка! Вотъ былъ бы, примѣрно, одинъ я: ужъ и какъ бы я вашу милость уважилъ, ужъ и какъ бы ходилъ, т. е. во какъ ходилъ! Кого жъ намъ, коли и не вашу милость уважить? Ужъ я бы васъ вылечилъ, право бы вылечилъ, я и средство знаю... Право бы погостили, сударь, ей-Богу, вотъ великое слово, у насъ погостили бы!..

— Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли какого средства? замѣтилъ Ярославъ Ильичъ... да и не закончилъ.

Ордыновъ сдѣлалъ напраслину, съ дикимъ изумленіемъ оглядѣвъ не задолго до того съ ногъ до головы Ярослава Ильича. Это былъ конечно, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, но онъ теперь понялъ все, и, признаться, положеніе его было весьма затруднительно! Ему хотѣлось, что называется, лопнуть со смѣха! Будь онъ одинъ на одинъ, вмѣстѣ съ Ордыновымъ — два такіе друга! конечно, Ярославъ Ильичъ не вытерпѣлъ бы и неумѣренно предался порыву веселости. Во всякомъ случаѣ, онъ сдѣлалъ бы это весьма благородно, съ чувствомъ пожалъ бы послѣ смѣха руку Ордынова, искренно и справедливо увѣрилъ бы его, что чувствуетъ удвоенное уваженіе къ нему, и что извиняетъ во всякомъ случаѣ... да, наконецъ, и глядѣть не будетъ на молодость. Но теперь, при извѣстной своей деликатности, онъ былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи и почти не зналъ куда скрыть себя...

— Средства, т. е. снадобья! подхватилъ Муринъ, у котораго все лицо шевельнулось отъ неловкаго восклицанія Ярослава Ильича.— Я, т. е.

сударь, по глупости моей мужицкой, вотъ что сказалъ бы, продолжалъ онъ, ступивъ еще шагъ впередъ:— книжекъ вы, сударь, больно зачитались; скажу, умны больно стали; оно, т. е. какъ по-русски говорится у насъ, по-мужицкому, умъ за разумъ зашелъ...

— Довольно! строго прервалъ Ярославъ Ильичъ...

— Я иду, сказалъ Ордынцовъ:— благодарю васъ, Ярославъ Ильичъ; буду, буду у васъ, непременно, говорилъ онъ на удвоенныя вѣжливости Ярослава Ильича, который былъ не въ силахъ долѣе его удерживать.—Прощайте, прощайте...

— Прощайте, ваше благородіе; прощайте, сударь; не забудьте насъ, навѣстите насъ грѣшныхъ.

Ордынцовъ не слыхалъ ничего болѣе. Онъ вышелъ какъ полоумный.

Онъ не могъ вынести болѣе; онъ былъ какъ убитый; сознание его цѣпенѣло. Онъ глухо чувствовалъ, что его душитъ болѣзнь, но холодное отчаяніе воцарилось въ душѣ его, и только слышалъ онъ, что какая-то глухая боль ломитъ, томитъ, сосетъ ему грудь. Ему хотѣлось умереть въ эту минуту. Ноги подкосились, и онъ присѣлъ у забора, не обращая болѣе вниманія ни на проходившихъ людей, ни на толпу, начинавшую собираться возлѣ него, ни на оклики и разспросы любопытныхъ, его окружившихъ. Но вдругъ изъ множества голосовъ раздался надъ нимъ голосъ Мурина. Ордынцовъ поднялъ голову. Старикъ дѣйствительно стоялъ передъ нимъ; блѣдное лицо его было важно и задумчиво. Это ужь былъ совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ тотъ, который такъ грубо глумился надъ нимъ у Ярослава Ильича. Ордынцовъ привсталъ, Муринъ взялъ его за руку и вывелъ изъ толпы...

— Тебѣ еще нужно свой скарбъ захватить, сказалъ онъ, искоса взглянувъ на Ордынова.— Не горюй, баринъ! вскрикнулъ Муринъ.— Ты молодецъ, чего горевать!

Ордыновъ не отвѣчалъ.

— Обижаешься, баринъ? Знать больно зло тебя взяло... да нечему; всякъ свое добро бережетъ!

— Я не знаю васъ, сказалъ Ордыновъ:— я не хочу знать вашихъ тайнъ. Но она! она!.. проговорилъ онъ, и слезы градомъ, въ три ручья, потекли изъ глазъ его. Вѣтеръ срывалъ ихъ одну за другой съ его щекъ... Ордыновъ утиралъ ихъ рукой. Жестъ его, взглядъ, произвольныя движенья дрожавшихъ посинѣлыхъ губъ— все предсказывало въ немъ помѣшательство.

Я ужъ тебѣ толковалъ, сказалъ Муринъ, стиснувъ брови:— она полоумная! Отъ-чего и какъ помѣшалась... зачѣмъ тебѣ знать? Только мнѣ она и такая—родная! Возлюбилъ я ее больше жизни моей и никому не отдамъ. Понимаешь теперь!

Огонь на мгновение сверкнулъ въ глазахъ Ордынова.

— Но зачѣмъ же, я... зачѣмъ я теперь, словно жизнь потерялъ? Зачѣмъ же болитъ мое сердце? Зачѣмъ я спозналъ Катерину?

— Зачѣмъ? Муринъ усмѣхнулся и задумался.

— Зачѣмъ, я и самъ не знаю зачѣмъ, вымолвилъ онъ наконецъ.— Женскій норовъ не морская пучина, распознать его распознаешь, да хитеръ онъ, стоекъ, живучъ! На, дескать, вынь да положь! Знать и впрямь, баринъ, она съ вами хотѣла уйдти отъ меня, продолжалъ онъ въ раздумьи.— Побрезгала старымъ, изжила съ нимъ все, на сколько можно изжить! Приглянулись вы, знать, ей больно сначала! Аль ужъ такъ, вы ли, другой

ли... Я вѣдь ей не перечу ни въ чемъ; птичья молока пожелаетъ и молока птичья достану; птицу такую самъ сдѣлаю, коли нѣтъ такой птицы! Тщеславна она! За волюшкой гонится, а и сама не знаетъ, о чемъ сердце блажить. Анъ и вышло, что лучше по старому! Эхъ баринъ! молодъ ты больно! Сердце твое еще горячо, словно у дѣвки, что рукавомъ свои слезы утираетъ, покинутая! Спознай, баринъ: слабому человѣку одному не сдержаться! Только дай ему все, онъ самъ же прійдетъ, все назадъ отдастъ; дай ему пол-царства земнаго въ обладаніе, попробуй—ты думаешь что? Онъ тебѣ тутъ же въ башмакъ тотчасъ спрячется, такъ умалится. Дай ему волюшку, слабому человѣку—самъ ее свяжетъ, назадъ принесетъ. Глупому сердцу и воля не въ прокъ! Не прожить съ такимъ норовомъ! Я тебѣ это все такъ говорю—молоденекъ ты больно! Ты что мнѣ? Ты былъ да пошелъ—ты иль другой все равно. Я и сначала зналъ, что будетъ одно. А перечить нельзя! Слова молвить нельзя поперегъ, коли хошь свое счастье сберечь. Оно вѣдь, знашь, баринъ, продолжалъ философствовать Муринъ:—только все такъ говорится: и чего не бываетъ? За ножъ возьметъ въ сердцахъ, не то безоружный, съ голыми руками на тебя какъ баранъ полѣзетъ, да зубами глотку врагу перерветъ. А пусть-те дадутъ этотъ ножъ-отъ руки, да врагъ твой самъ предъ тобою широкою грудь распахнетъ; не бойсь, и отступишься!

Они вошли во дворъ. Татаринъ еще издади завидѣлъ Мурина, снялъ передъ нимъ шапку и лукаво, пристально смотрѣлъ на Ордынова.

— Чтò мать? дома? закричалъ ему Муринъ.

— Дома.

— Скажи, чтобъ ему скарбъ его перетащить помогли! Да и ты пошелъ, двигайся!

Они взошли на лѣстницу. Старуха, служившая у Мурина и оказавшаяся дѣйствительно матерью дворника, возилась съ пожитками бывшаго жильца и ворчливо вязала ихъ въ одинъ большой узелъ.

— Подожди; я-те еще изъ твоего принесу тамъ осталась...

Муринъ вошелъ къ себѣ. Черезъ минуту онъ воротился и подалъ Ордынову богатую подушку, всю вышитую шелками и гарусомъ—ту самую, которую положила ему Катерина, когда онъ сдѣлался боленъ.

— Это она тебѣ шлетъ, сказалъ Муринъ.—А теперь ступай по добру, по здорову, да смотри жь, не шатайся, прибавилъ онъ вполголоса, отеческимъ тономъ:—не то худо будетъ.

Видно было, что ему не хотѣлось обижать жильца. Но когда онъ бросилъ на него послѣднй взглядъ, то невольно видно было, какъ приливъ неистощимой злобы закипѣлъ на лицѣ его. Почти съ отвращенiемъ затворилъ онъ дверь за Ордынвымъ.

Черезъ два часа, Ордынвъ переѣхалъ къ нѣмцу Шпису. Тинхенъ ахнула; взглянувъ на него. Она тотчасъ спросила его о здоровьѣ и узнавъ, въ чемъ дѣло, немедленно расположилась лечить. Старикъ нѣмецъ самодовольно показалъ жильцу своему, что онъ только-что хотѣлъ идти къ воротамъ и снова налѣпить ярлычокъ, затѣмъ, что сегодня аккуратно въ кофѣйку вышелъ задатокъ его, высчитывая изъ него каждый день найма. Причемъ старикъ не преминулъ дальновидно похвалить нѣмецкую аккуратность и честность.

Въ тотъ же день Ордынцовъ занемогъ и только черезъ три мѣсяца могъ встать съ постели.

Мало по-малу, онъ выздоровѣлъ и сталъ выходить. Жизнь у нѣмца была однообразна, покойна. Нѣмецъ былъ безъ особаго норова; хорошенькая Тинхенъ, не трогая нравственности, была всѣмъ, чѣмъ угодно—но какъ-будто жизнь навѣки потеряла свой цвѣтъ для Ордынцова! Онъ сталъ задумчивъ, раздражителенъ; впечатлительность его приняла направленіе болѣзненное, и онъ непримѣтно впадалъ въ злую, очерствѣлую ипохондрію. Книги не раскрывались иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Будущее было для него заперто, деньги его выходили, и онъ опустилъ руки заранѣе; онъ даже не думалъ о будущемъ. Иногда прежняя горячка къ наукѣ, прежній жаръ, прежніе образы, имъ—самимъ созданные, ярко возставали предъ нимъ изъ прошедшаго, но они только давили, душили его энергію. Мысль не переходила въ дѣло. Созданіе остановилось. Казалось, всѣ эти образы нарочно выросли гигантами въ его представленіяхъ, чтобъ смѣяться надъ безсиліемъ его, ихъ же творца. Ему невольно приходило въ грустную минуту сравненіе самаго-себя съ тѣмъ хвастливымъ ученикомъ колдуна, который, укравъ слово учителя, приказалъ метлѣ носить воду и захлебнулся въ ней, забывъ какъ сказать: «перестань». Можетъ-быть, въ немъ осуществилась бы цѣлая, оригинальная, самобытная идея. Можетъ быть, ему суждено было быть художникомъ въ наукѣ. По-крайней-мѣрѣ, прежде, онъ самъ вѣрилъ въ это. Искренняя вѣра есть ужь залогъ будущаго. Но теперь онъ самъ смѣялся въ иныя минуты надъ своимъ слѣпымъ убѣжденіемъ и—не подвигался впередъ.

За полгода передъ тѣмъ, онъ выжилъ, создалъ и

набросалъ на бумагу стройный эскизъ созданія, на которомъ (по молодости своей) въ нетворческія минуты строилъ самыя вещественныя надежды. Сочиненіе относилось къ исторіи церкви, и самыя теплыя, горячія убѣжденія легли подъ перомъ его. Теперь онъ перечелъ этотъ планъ, передѣлалъ, думалъ о немъ, читалъ, рылся, и наконецъ отвергъ идею свою, не построивъ ничего на развалинахъ. Но что-то похожее на мистицизмъ, на предопредѣленіе и таинственность начало проникать въ его душу. Несчастный чувствовалъ страданія свои и просилъ исцѣленія у Бога. Работница нѣмца изъ русскихъ, старуха богомольная, съ наслажденіемъ рассказывала, какъ молится ея смиренный жилецъ, и какимъ образомъ, по цѣлымъ часамъ лежитъ онъ словно бездыханный на церковномъ помостѣ...

Онъ никому не говорилъ ни слова о случившемся съ нимъ. Но порой, особенно въ сумерки, въ тотъ часъ, когда гулъ колоколовъ напоминалъ ему то мгновеніе, когда впервые задрожала, заныла вся грудь его дотолѣ невѣдомымъ чувствомъ, когда онъ сталъ возлѣ нея на колѣняхъ въ Божіемъ храмѣ, забывъ обо всемъ, и только слышалъ, какъ стучало ея робкое сердце, когда слезами восторга и радости омылъ онъ новую, свѣтлую надежду, мелькнувшую ему въ его одинокой жизни—тогда буря встала изъ уязвленной навѣки души его. Тогда содрогался его духъ, и мученіе любви жгучимъ огнемъ снова пылало въ груди его. Тогда сердце его грустно и страстно болѣло, и—казалось, любовь его возрастала вмѣстѣ съ печалью. Часто по цѣлымъ часамъ, забывъ себя и всю обыденную жизнь свою, забывъ все на свѣтѣ, просиживалъ онъ на одномъ мѣстѣ, одинокій, унылый, безнадежно качалъ головой и, роняя безмолвныя слезы, шепталъ про себя: «Катерина!

голубица моя ненаглядная! Сестрица моя одинокая!..»

Какая-то безобразная мысль стала все болѣе и болѣе мучить его. Все сильнѣе и сильнѣе преслѣдовала она его и съ каждымъ днемъ воплощалась передъ нимъ въ вѣроятность, въ дѣйствительность. Ему казалось—и онъ, наконецъ, самъ, повѣрилъ во все,—ему казалось, что невредимъ былъ разсудокъ Катерины, но что Муринъ былъ по своему правъ, назвавъ ее слабымъ сердцемъ. Ему казалось, что какая-то тайна связывала ее съ старикомъ, но что Катерина, не сознавъ преступленія, какъ голубица чистая перешла въ его власть. Кто они? Онъ не зналъ того. Но ему безпрерывно снилась глубокая, безвыходная тиранія надъ бѣднымъ, беззащитнымъ созданиемъ; и сердце смущалось и трепетало безсильнымъ негодованіемъ въ груди его. Ему казалось, что передъ испуганными очами вдругъ-прозрѣвшей души, коварно выставляли ея же паденіе, коварно мучили бѣдное, *слабое* сердце, толковали передъ ней вкривь и вкось правду, съ умысломъ поддерживали слѣпоту, гдѣ было нужно, хитро льстили неопытнымъ наклонностямъ порывистаго, смятеннаго сердца ея и мало-по-малу рѣзали крылья у вольной, свободной души, неспособной, наконецъ, ни къ возстанію, ни къ свободному порыву въ настоящую жизнь...

Мало по малу, Ордынцовъ одичалъ еще болѣе прежняго, въ чемъ, нужно отдать справедливость, его нѣмцы нисколько ему не мѣшали. Онъ часто любилъ бродить по улицамъ, долго, безъ цѣли. Онъ выбиралъ преимущественно сумеречный часъ, а мѣсто прогулки — мѣста глухія, отдаленныя, рѣдко посѣщаемыя народомъ. Въ одинъ ненаст-

ный, нездоровый, весенний вечеръ, въ одномъ изъ такихъ закоулковъ встрѣтилъ онъ Ярослава Ильича.

Ярославъ Ильичъ примѣтно похудѣлъ, пріятные глаза его потускнѣли и самъ онъ какъ-будто весь разочаровался. Онъ бѣжалъ въ полыхахъ за какимъ-то нетерпящимъ отлагательства дѣломъ, промокъ, загрязнился, и дождевая капля, какимъ-то почти фантастическимъ образомъ, уже цѣлый вечеръ не сходила съ весьма приличнаго, но теперь посинѣвшаго носа его. Къ тому же, онъ отростилъ бакенбарды. Эти бакенбарды да и то, что Ярославъ Ильичъ взглянулъ такъ, какъ-будто избѣгалъ встрѣчи съ стариннымъ знакомымъ свсимъ, почти поразило Ордынова... чудное дѣло! даже какъ-то уязвило, разобидѣло его сердце, ненуждавшееся доселѣ ни въ чьемъ состраданіи. Ему, наконецъ, пріятнѣе былъ прежній человѣкъ, простой, добродушный, наивный, рѣшився сказать наконецъ откровенно, немножечко-глупый, но безъ претензіи разочароваться и поумнѣть. А неприятно, когда *глупый* человѣкъ, котораго мы прежде любили, можетъ-быть, именно за глупость его, *вдругъ поумнѣетъ*, рѣшительно неприятно. Впрочемъ, недовѣрчивость, съ которою онъ смотрѣлъ на Ордынова, тотчасъ же сгладилась. При всемъ разочарованіи своемъ, онъ вовсе не оставилъ своего прежняго норова, съ которымъ человѣкъ, какъ извѣстно, и въ могилу идетъ, и съ наслажденіемъ полѣзъ, такъ какъ былъ, въ дружескую душу Ордынова. Прежде всего онъ замѣтилъ, что у него много дѣла, потомъ, что они давно не видались; но вдругъ разговоръ опять принялъ какое-то странное направленіе. Ярославъ Ильичъ заговорилъ о лживости людей вообще, о непрочности благъ міра сего, о суетѣ суетъ, мимоходомъ, даже болѣе чѣмъ съ равнодушіемъ не преминулъ отозваться о Пуш-

кинѣ, съ нѣкоторымъ цинизмомъ о хорошихъ знакомствахъ, и, въ заключеніе, даже намекнулъ на лживость и коварство тѣхъ, которые называются въ свѣтѣ друзьями, тогда-какъ истинной дружбы на свѣтѣ и сродясь не бывало. Однимъ-словомъ, Ярославъ Ильичъ поумнѣлъ. Ордыновъ не противорѣчилъ ни въ чемъ, но несказанно, мучительно-грустно стало ему: какъ-будто онъ схоронилъ своего лучшаго друга!

— Ахъ! представьте—я было-совсѣмъ позабылъ рассказать, молвилъ вдругъ Ярославъ Ильичъ, какъ-будто припомнивъ что-то весьма интересное:—у насъ новость! Я вамъ скажу по секрету. Помните домъ, гдѣ вы жили?

Ордыновъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Такъ вообразите же, недавно открыли въ этомъ домѣ цѣлую шайку воровъ, т. е., сударь ты мой, ватагу, притонъ-съ; контрабандисты, мошенники всякіе, кто ихъ знаетъ! Иныхъ переловили, за другими еще только гоняются; отданы строжайшія приказанія. И можете себѣ представить: помните хозяина дома, богомольный, почтенный, благородный съ виду...

— Ну!

— Судите послѣ этого о всемъ человѣчествѣ! Это и былъ начальникъ всей шайки ихъ, коноводъ! Не нелѣпо ли это-съ?

Ярославъ Ильичъ говорилъ съ чувствомъ и осудилъ за одного все человѣчество, потому что Ярославъ Ильичъ и не можетъ иначе сдѣлать; это въ его характерѣ.

— А тѣ? а Муринъ? проговорилъ Ордыновъ шопотомъ.

— Ахъ, Муринъ, Муринъ! Нѣтъ, это почтенный старикъ, благородный. — Но, позвольте, вы проливаете новый свѣтъ...

Хозяйка.

— А что? онъ тоже былъ въ шайкѣ?

Сердце Ордынова готово было пробить грудь отъ нетерпѣнья...

— Впрочемъ, какъ же вы говорите... прибавилъ Ярославъ Ильичъ, пристально вперивъ оловянные очи въ Ордынова — признакъ, что онъ соображалъ:—Муринъ не могъ быть между ними. Ровно за три недѣли онъ уѣхалъ съ женой къ себѣ, въ свое мѣсто... Я отъ дворника узналъ... этотъ татарченкокъ, помните?

Вышедшіе донынѣ семь выпусковъ заключаютъ въ себѣ сочиненія: **Ф. М. Достоевскаго**, просмотрѣнныя, передѣланныя и дополненныя самимъ авторомъ (съ портретомъ автора при третьемъ томѣ), графа **Л. Н. Толстаго**, **А. Ф. Писемскаго**, просмотрѣнныя и передѣланныя авторомъ. (Съ портретомъ автора, при третьемъ томѣ) и сочиненія **Вс. В. Крестовскаго**, (съ портретомъ автора.)

Въ первый выпускъ вошли: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюфякъ», «Бракъ по страсти» «Комикъ», и комедія «Ипохондрикъ» соч. **А. Ф. Писемскаго**.

Во второй: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и рассказы: «Мр. Батмановъ», «Питерщикъ», «Лѣшій», «Виновата ли она?» «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедія «Раздѣлъ», и критическая статья «Разборъ сочиненій Гоголя» соч. **А. Ф. Писемскаго**.

Въ третій: романы и повѣсти: «Плотничья артель», «Старая Барыня», «Тысяча душъ», съ передѣланной главой 2-й части; драма «Горькая Судьбина» и повѣсть «Старческій грѣхъ» соч. **А. Ф. Писемскаго**.

Въ четвертый: всѣ поэмы, лирическія стихи, сказки, повѣсти и рассказы, соч. **Вс. В. Крестовскаго**.

Въ пятый: повѣсти и рассказы: «Дѣтство», «Отрочество», «Юность», «Утро помѣщика», «Записки маркера», «Люцернъ» изъ записокъ князя Д. Неклюдова, «Альбертъ», «Два гусара» и «Три смерти», соч. графа **Л. Н. Толстаго**.

Въ шестой: романъ «Семейное счастье», повѣсти и военные рассказы: «Метель», «Поликушка», «Казакъ», «Встрѣча въ отрядѣ съ московскимъ знакомымъ», «Набѣгъ», «Рубка лѣса», «Севастополь въ Декабрѣ», «Севастополь въ Маѣ», «Севастополь въ Августѣ 1855 года» и «Педагогическія статьи» соч. графа **Л. Н. Толстаго**.

Въ седьмой: «Записки изъ мертваго дома», въ новомъ полномъ изданіи и съ новой главой во второй части; романы и повѣсти «Хозяйка», «Слабое сердце», «Господинъ Прохарчинъ», «Бѣдные люди», «Бѣлыя ночи» и «Честный воръ», соч. **Ф. М. Достоевскаго**.

Въ восьмой: романы, повѣсти и рассказы: «Униженный и оскорбленный», «Нечочка Незванова», «Записки изъ подполья»,

«Крокодилъ», «Северный анекдотъ», и «Зимніи замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ», соч. Ф. М. Достоевскаго.

Въ 9, 10, 11 и 12 выпуски войдутъ слѣдующія сочиненія:

Въ девятый: романы, повѣсти и рассказы: «Село Степанчиково», «Дядюшкинъ сонъ», «Маленькій герой», «Чужая жена и мужъ подъ кроватью», «Елка и свадьба», «Двойникъ», въ новомъ передѣланномъ видѣ, и «Новый романъ написанный для этого изданія и нигдѣ еще непечатанный» соч. Ф. М. Достоевскаго.

Въ десятый: романъ «Подводный камень», рассказы и повѣсти: «Горы», «Деревенскій визитъ», «Нынѣшняя любовь», «Огненный змій», «Порядочный человекъ», «Въ доротъ» и «Ясные дни», соч. М. В. Авдѣева.

Въ одиннадцатый: романъ «Тамаринъ», рассказъ «Поездка на кумысъ», «Дорожная замѣтка» и «Письма изъ заграницы», соч. М. В. Авдѣева.

Въ двѣнадцатый, тринадцатый и четырнадцатый: войдутъ: Всѣ новыя сочиненія А. Ф. Нисемскаго а равно и сочиненія: Фопъ-Визина, Грибоѣдова, Озерова, Новикова, Дмитріева, Батюшкова, Гибдича, Ломоносова и др.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна cadaго выпуска три р., съ пересылкою 3 р. 50 коп.,—а по

ПРОДОЛЖАЮЩЕЙСЯ

НА ИЗДАНИЕ ЭТО ПОДПИСКѢ НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

Уплачивается при подпискѣ три руб. сер. за послѣдніе два выпуска, которыми окончится изданіе «Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ», а равно и за право получить какъ вышедшіе, такъ и имѣющіе выйдти въ свѣтъ всѣ выпуски этаго изданія по 1 р. 50 к., а съ пересылкою по 2 р. с.

Подписка принимается исключительно: Въ С. Петербургѣ, у издателя Ф. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, въ домѣ Лауфerta, № 27.

